

18.84

"Столица и усадьба" 1914г. № 23.

3.849.

18.84.

95
C81 ✓

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

И. А. Г.

№ 23.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ.

1 ДЕКАБРЯ 1914 г.
ПЕТРОГРАДЪ.

СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ.

Dess. par R. Joukowsky

Imp. Lemercier à Paris.

Театральная касса.

СЕГОДНЯ ТАЛЫОНОВА, ЗНАТНАЯ ПЬСА!...
СТОИТЬ ПОГЛЕДѢТЬ.

PUBLIÉ PAR DATIARO A MOSCOU ET ST. PÉTERSBOURG.

Съ раскрашеной старин. литографин
изъ коллекци А. А. Плещева.

31484
БИБЛИОТЕКА
ГОС ТРЕТЬЯКОВСКОЙ
ГАЛЛ.

Гос. Третьяковская
Галерея
№
БИБЛИОТЕКА

945588
ЦУНБ им. Н.А. Некрасова
Отдел хранения фондов

Р'ка Воря въ Абрамцевѣ.

Фотогр. С. Спиро.

„МАМОНТОВСКІЙ КРУЖОКЪ“.

Въ періодъ 1878—1893 гг. существовалъ въ Москвѣ такъ называемый „Мамонтовскій Художественный Кружокъ“ (не смѣшывайте съ бывшей впоследствии мамонтовской оперой).

Это не было какое-либо официально зарегистрированное общество, это просто былъ кружокъ лицъ, въ одной своей части близкихъ по родству, въ другой—тѣсно связанныхъ общей любовью къ искусству, сплотившихся вокругъ извѣстнаго мецената Саввы Ивановича Мамонтова.

Все, наиболѣе выдающееся въ то время въ области науки, искусства, литературы, особенно искусства—все это собиралось и концентрировалось вокругъ Саввы Ивановича.

Зимой на Спасской-Садовой въ его барскомъ особнякѣ, лѣтомъ въ имѣніи „Абрамцево“.

Особнякъ на Спасской-Садовой, съ его обширной столовой внизу, украшенной громадными полотнами Васнецова „Русскіе богатыри“ и „Коверъ-Самолетъ“, и огромнымъ концертнымъ заломъ во второмъ этажѣ, стѣны котораго украшали картины лучшихъ мастеровъ того времени. Часть этого зала отдѣлялась раздвигающимся плюшевымъ занавѣсомъ, сдѣланнымъ специально для спектаклей, происходившихъ здѣсь. Около занавѣса стояла знаменитая скульптура Антокольскаго „Христосъ“.

* * *

Лѣтомъ спектакли Кружка ставились въ имѣніи „Абрамцево“. Знаменитое Абрамцево расположено въ трехъ верстахъ отъ станціи Московско-Ярославской дороги Хотьково, послѣдней передъ Сергіевской лаврой.

Отъ Хотькова надо проѣхать три версты среди густого монастырскаго лѣса, переѣхать рѣчку Вору и тогда попадете, наконецъ, въ Абрамцево.

Въ Абрамцевѣ въ тѣ времена жизнь кипѣла.

Каждое лѣто, кромѣ многочисленной семьи и родственниковъ хлѣбосольнаго хозяина, бывала масса гостей.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ на отдѣльныхъ двухъ дачахъ жили семья художника И. Е. Рѣпина и семья Д. К. Арцыбушева (сотрудника С. И. Мамонтова по управленію Ярославской дорогой). Въ числѣ гостей бывали художники В. А. Сѣровъ, И. С. Остроуховъ, Е. Д. Полѣнова, В. Д. Полѣновъ, В. М. Васнецовъ, М. Ф. Якушечкова, К. А. Коровинъ, А. М. Васнецовъ и др.

Это были продолжительные, почти постоянные гости, а временныхъ была масса...

Пикники, купанье, катанье на лодкахъ, на плотахъ, уженье, охота, катанье въ экипажахъ, верхами, модные тогда крокетъ и теннисъ—все это процвѣтало.

Лѣто (какъ и зима въ Москвѣ) заканчивалось грандіознымъ спектаклемъ въ специальномъ Абрамцевскомъ театрѣ.

* * *

Послѣ извѣстнаго мамонтовскаго „погрома“ знаменитый особнякъ на Спасской-Садовой и все художественно-цѣнное, бывшее тамъ, пошло, какъ извѣстно, съ молотка.

Зато Абрамцево, принадлежавшее покойной женѣ С. И., Елиз. Григ. Мамонтовой, осталось въ неприкосновенности и теперь въ немъ живетъ младшая дочь С. И., Алекс. Сав., которой это имѣніе перешло по завѣщанію матери.

Въ абрамцевскомъ домѣ и сейчасъ ничто не измѣнилось: все въ полной неприкосновенности. Много полотенъ украшаютъ стѣны абрамцевскихъ комнатъ; тутъ и наши отечественные и иностранные мастера. Много скульптурныхъ произведеній, много всевозможныхъ альбомовъ съ набросками и зарисовками гостившихъ здѣсь художниковъ. Масса всякихъ цѣнныхъ художественныхъ реликвій.

Во флигелѣ помѣщалось специальное ателье для скульпторовъ.

Самъ С. И. Мамонтовъ былъ также хорошій скульпторъ—результатъ отчасти близкой дружбы съ Антокольскимъ, который по долгу живалъ въ Абрамцевѣ.

Знаменитый теперь художникъ-декораторъ, академикъ К. А. Коровинъ, тогда былъ просто „Костя Коровинъ“. Какъ и многіе другіе, онъ былъ подъ крылышкомъ Саввы Ивановича.

Въ абрамцевскомъ залѣ собирались по вечерамъ, особенно въ дурную погоду. Здѣсь читали, рисовали, лѣпили, ставили экспромтомъ пьески, сценки, шарлады въ лицахъ и т. д.

* * *

Общимъ любимцемъ былъ нынѣ покойный В. А. Сѣровъ. Маленькій, подвижной, всегда веселый, всегда неутомимый.

Если эти строки попадутся на глаза знавшихъ В. А. въ послѣдній періодъ его жизни, онѣ вызовутъ въ нихъ искреннее изумленіе: Сѣровъ въ молодости и Сѣровъ въ послѣдніе годы жизни—два совершенно разныхъ человѣка.

За послѣдніе годы Сѣровъ сталъ мрачнымъ, замкнутымъ и строгимъ, въ школѣ живописи былъ грозой учениковъ...

Въ описываемое время у Мамонтовыхъ Сѣрова почему-то иначе не называли, какъ „Антонъ“, „Антоша“, и многіе бывали искренне удивлены, узнавши впоследствии, что его зовутъ Валентиномъ.

* * *

В. А. Сѣровъ,

Въ Абрамцевѣ.

М. М. Лигокольскій, П. Спиро, С. И. Мамонтовъ,
Мамонтова (сзади), И. С. Остроуховъ,
Надя Полѣнова.

Ежегодно съ середины лѣта начинали готовиться къ августовскому спектаклю.

Почти всѣ принимали участіе въ спектаклѣ. Декорации писали В. Д. Полѣновъ, В. А. Сѣровъ, И. С. Остроуховъ, впоследствии М. В. Врубель и др. Костюмы шились по рисункамъ В. М. Васнецова, В. Д. Полѣнова... Однимъ словомъ, такая постановка тогда и не снилась еще ни одному театру.

В. А. Теляковскому ставятъ обыкновенно въ заслугу, что онъ первый привлекъ къ театральнымъ постановкамъ художниковъ. Это справедливо. Но, по всей вѣроятности, родоначальникомъ такихъ театральныхъ постановокъ былъ Мамонтовскій Кружокъ.

У Мамонтова же началъ развиваться талантъ К. А. Коровина, декораций котораго теперь на образцовой сценѣ, а К. С. Станиславскій, тогда „Костя Алексѣевъ“, навѣрно, тепло вспоминаетъ о своемъ тогдашнемъ участіи въ мамонтовскихъ спектакляхъ...

* * *

Много можно было бы вспомнить и назвать „именъ“, пріобрѣвшихъ большую извѣстность и даже славу, первые шаги которыхъ неразрывно связаны съ С. И. Мамонтовымъ, какъ меценатомъ и вдохновителемъ.

Нельзя не сказать нѣсколько словъ про Ф. И. Шаляпина. Многие называютъ С. И. Мамонтова „создателемъ Шаляпина“.

Ф. И. талантъ-самородокъ, талантъ громадный, объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній, но его надо было показать, надо было выдвинуть и это сдѣлалъ С. И., его обстановка.

Впрочемъ, и сейчасъ посѣщающіе С. И. Мамонтова въ Москвѣ на Бутыркахъ, гдѣ онъ живетъ почти отшельникомъ, въ его скульптурной мастерской, въ числѣ прочихъ реликвій, могутъ увидать большой портретъ Ф. И. Шаляпина въ костюмѣ Ивана Грознаго. Портретъ этотъ украшенъ длинной и трогательной надписью, гдѣ говорится о благодарности къ „учителю“.

* * *

Писущій эти строки провелъ въ Абрамцевѣ два лѣта—1888 и 1889 гг.

Въ первое лѣто играли Гоголевскую „Женитьбу“. „Антонъ“ Сѣровъ игралъ Жевакина.

Обыкновенно при распредѣленіи ролей въ „Женитьбѣ“, когда дѣло дойдетъ до Жевакина, вспоминаютъ, что у него, по

выраженію Кочкарева, „нога пѣтушья“, и ищутъ по этой примѣтѣ подходящаго исполнителя. Вспомнивъ эту примѣту, всѣ сразу рѣшили, что эту роль долженъ играть никто иной, какъ „Антонъ“ Сѣровъ.

И онъ игралъ ее, вызывая неудержимый хохотъ не только на спектаклѣ, но и на всѣхъ репетиціяхъ...

Въ слѣдующемъ году возобновили пьесы, написанныя самимъ С. И. Мамонтовымъ, „Иосифъ“ и „Черный Тюрбанъ“.

„Иосифъ“ — дѣтское представленіе въ родѣ мистерій, шелъ въ первый разъ въ 1880 году.

Теперь прежнія „дѣти“ подросли и были замѣнены другими. Въ этой пьесѣ принимали участіе кромѣ Мамонтовыхъ, всѣ дѣти И. Е. Рѣпина (Юра, Вѣра, Надя, Таня Рѣпины). Декорации были написаны В. Д. Полѣновымъ и Красовскимъ.

„Черный Тюрбанъ“—восточная фантазія въ 2 дѣйствіяхъ съ музыкой и танцами, шелъ съ большимъ успѣхомъ въ первый разъ въ 1886 году.

Декорации писали В. А. Сѣровъ и И. С. Остроуховъ. Оба художника, кромѣ того, принимали участіе въ качествѣ исполнителей. В. А. Сѣровъ изображалъ даже двѣ роли: восточнаго мудреца, воспитателя принца и... арабскаго коня... Вторая роль, за сценой, состояла въ томъ, что онъ подражалъ ржанію разгорячившагося коня—Сѣровъ продѣлывалъ это неподражаемо!

Въ 1889 году, роль мудреца-воспитателя перешла отъ Сѣрова къ К. А. Коровину. В. А. Сѣровъ былъ, кажется, занятъ и не жилъ въ это время въ Абрамцевѣ, но пріѣхалъ къ спектаклю и съ обычнымъ успѣхомъ изображалъ за сценой арабскаго коня...

К. А. Коровину не давались танцы, долго его муштровали и „натаскивали“ на репетиціяхъ. Вѣроятно, это было первое знакомство его съ балетомъ!

В. А. Сѣровъ тутъ же вмѣстѣ съ мальчиками одѣлся въ бѣлый костюмъ и изображалъ ханскую

Абрамцево. Рѣка Воря.

стражу—„феррашей“, маршировали съ саблей на-голо и пѣль въ хорѣ:

Когда солнце луннымъ свѣтомъ
Озаритъ вершины горъ,
Мы съ воинственнымъ куплетомъ
Выступаемъ на дозоръ.
Мы у хана—ферраши,
Чрезвычайно хороши...

* * *

Наиболѣе живое участіе во всѣхъ спектакляхъ кружка, особенно въ первые годы его возникновенія, принималъ Вас. Дм. Полѣновъ.

Онъ часто проводилъ время съ абрамцевской молодежью, увлекался спортомъ, особенно катаньемъ на лодкахъ.

Въ лодкѣ онъ всегда былъ „капитаномъ“ и приучилъ мальчиковъ къ послушанію и повиновенію строгой командѣ при греблѣ. Онъ былъ немного суровъ и его слегка побанвались. Между собой они называли его „Полѣнъ Полѣничъ“.

Не всѣмъ, вѣроятно, знающимъ В. Д. Полѣнова, какъ художника, извѣстно, что онъ большой музыкантъ. Интересно, что самъ онъ не владѣетъ никакимъ инструментомъ, но знаетъ теорію музыки и у него есть много композицій.

* * *

Первый спектакль кружка состоялся въ Москвѣ 31-го декабря 1878 года.

Поставлены были живыя картины: „Демонъ и Тамара“—ставилъ В. Д. Полѣновъ, участвовали Ел. А. Фидлеръ и И. В. Юркевичъ; „Жницы“—ставилъ А. А. Праховъ, участвовали Е. Г. Мамонтова, Е. В. Сапожникова и др.; „Юдифь и Олофернъ“—ставилъ А. А. Праховъ, участвовали Е. Д. Баташева и К. С. Алексѣевъ (онъ же Станиславскій; не первая ли это его роль?); „Русалка“—ставилъ В. Д. Полѣновъ, участвовали дѣти, и „Апофеозъ искусствъ“—ставилъ В. Д. Полѣновъ, среди исполнителей—В. А. Рѣпина, Якунчиковы и др.

К. А. Коровинъ и А. С. Мамонтова
въ пьесѣ „Черный Тюрбанъ“.

Изъ пьесы „Саулъ“—постановка и декорации М. Врубеля.

Большой спектакль съ интереснымъ составомъ, исполнителей данъ былъ 29-го декабря 1879 года. Шла трагедія А. Майкова „Два міра“.

Участвовали, между прочимъ, В. Д. Полѣновъ, Ф. С. Левицкій, Е. Г. Мамонтова, И. Е. Рѣпинъ, Н. Н. Венцель, К. С. Алексѣевъ (Станиславскій), Д. и В. Мамонтовы, С. С. Мамонтовъ и В. А. Сѣровъ. Музыка была написана В. Полѣновымъ.

Въ живыхъ картинахъ „Вальпургіева ночь“ и „Русалка“ участвовали: В. А. Рѣпина, В. С. Алексѣевъ, В. М. Васнецовъ, Е. В. Сапожникова и В. В. Якунчиковъ. Ставили В. Д. Полѣновъ и И. Е. Рѣпинъ.

24-го іюня 1881 года въ „Абрамцевѣ“ была поставлена комедія С. И. Мамонтова изъ неаполитанской жизни—„Каморра“.

Между прочимъ, принималъ участіе въ качествѣ исполнителя теперешній министръ А. В. Кривошеинъ.

Декорация, берегъ моря съ видомъ на Везувій, была написана В. Д. Полѣновымъ.

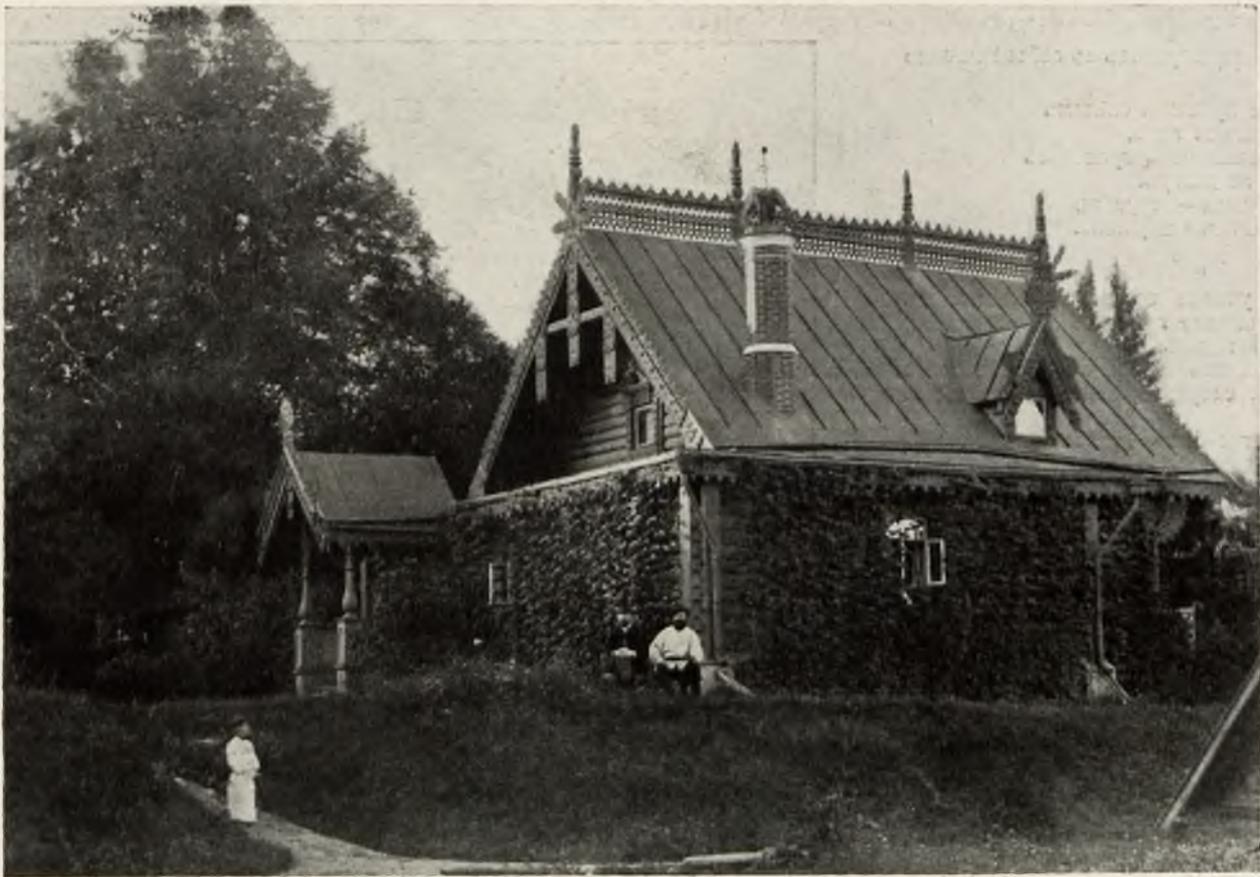
Теперешній министръ и тогда уже, какъ говорили, недурно исполнялъ роль... премьеры.

Роскошно была поставлена въ 1882 году въ Москвѣ (6-го января) „Сибгурочка“ А. Н. Островскаго.

Въ 1882 же году лѣтомъ въ Абрамцевѣ поставили „Камоэнсъ“ В. Жуковскаго и третій актъ изъ „Фауста“.

Въ заключеніе спектакля шелъ водевиль „Вѣди и Мыслете“ С. И. Мамонтова, въ которомъ, между прочимъ, дѣйствующими лицами были художники Рѣпинъ, Невревъ, Васнецовъ и Полѣновъ и каждого изъ нихъ изображалъ самъ художникъ.

Большой спектакль состоялся въ Москвѣ въ январѣ 1883 года. Шла написанная С. И. Мамонтовымъ сказка въ 4 дѣйствіяхъ „Алая Роза“.

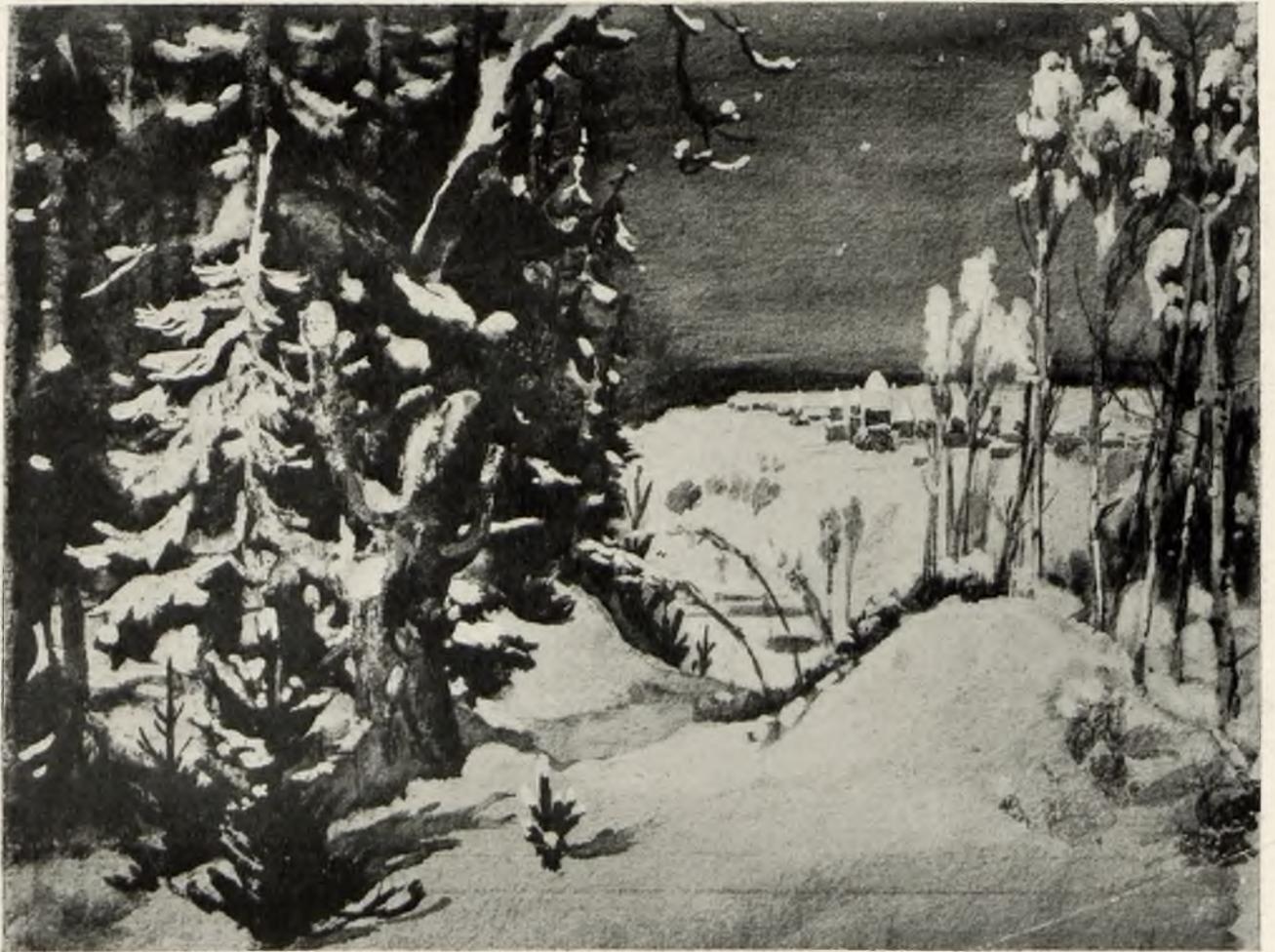
Флигель въ
Абрамцевѣ.
(Сидятъ В. Полъ-
новъ и П. Спиро).

Черезъ годъ изъ этой пьесы сдѣлали либретто С. И. Ма-
монтовъ и Н. Н. Венцель, а музыку написалъ композиторъ
Н. С. Кротковъ и въ 1884 году была поставлена опера „Алая
Роза“.

На большомъ спектаклѣ 6-го января 1890 года впервые появ-
ляется имя М. А. Врубеля, написавшаго декорации къ трагедіи
„Саул“.

Если къ вышеупоминаемымъ художникамъ прибавить еще два
большихъ имени, неразрывно связанныхъ съ Мамонтовымъ (не
говоря о массѣ среднихъ именъ художниковъ, скульпторовъ, му-
зыкантовъ, пѣвцовъ) Антокольскаго и Римскаго-Корсакова, таланты
которыхъ, если можно такъ выразиться, Мамонтовъ холилъ, иѣ-
жилъ и выращивалъ, какъ хорошій садовникъ цѣнныя оранже-
рейныя растенія, то получится, хотя и не полная, но, кажется,
достаточно яркая картина большихъ заслугъ С. И. въ области
родного искусства.

С. С.

Постановки въ
Абрамцевѣ. Де-
корация В. Ва-
снецова къ
„Снѣгурочкѣ“.
Островскаго.

Декорация В. Полѣнова къ оперѣ „Алая Роза“. Либретто С. И. Мамонтова и Н. Н. Венцеля; музыка Н. С. Кроткова. Опера была поставлена два раза - въ 1883 г. и 1884 г. въ Москвѣ.

Е. Г. Мамонтова въ роли „Весна-Красна“ въ „Снѣгурочкѣ“ — Островскаго (1883 г.).

ПОСТАНОВКИ МАМОНТОВСКАГО КРУЖКА.

Декорация В. Полѣнова къ 3-му акту оперы „Фаустъ“ (1882 г.).

ИНТЕРЕСНО ЖИТЬ!

(Маленькій фельетонъ).

Каждый годъ приносилъ намъ все новое и новое въ области науки. Наука развивалась по путямъ, совершенно непредвидѣннымъ. Съ интересомъ ждали,— что будетъ завтра, черезъ мѣсяцъ, черезъ годъ. Все это шло очень быстро, смотрѣли на мѣръ, точно на экранъ большого кинематографа.

Всего за нѣсколько дней до войны, въ путешествіи, я столкнулся съ французскимъ профессоромъ Маражемъ. Онъ создаетъ опять совершенно новую науку— науку акустики. Маражъ потратилъ нѣсколько лѣтъ на то, что лазалъ по стѣнамъ и сводамъ большихъ зданій и выстукивалъ ихъ, измѣряя силу звука, отдачу его, продолжительность. Ему разрѣшали подвѣшивать въ нѣкоторыхъ большихъ зданіяхъ специальную люльку, и въ этой люлкѣ онъ передвигался отъ одной стѣны къ другой, отъ свода къ полу. Результатомъ его выстукиванія явилась новая наука. Составлены уже спеціальныя формулы, по которымъ можно заранѣе рассчитать акустику, резонансъ зданія. Выработаны законы акустики. Къ законамъ акустики примыкаютъ законы эха и проф. Маражъ спеціально ѣздилъ въ горы, чтобы изучать его.

Изслѣдованія Маража съ одной стороны близко подходятъ къ научнымъ трудамъ вѣнскаго проф. Маха. Махъ тоже изучалъ звукъ съ оригинальной точки. Онъ ставилъ ноты передъ зеркаломъ и пробовалъ играть музыкальное произведеніе наоборотъ— отъ конца къ началу или справа налево. Такимъ образомъ онъ получалъ къ каждой музыкальной пьесѣ пьесу обратную и пьесу симметричную. Отъ многихъ изъ этихъ пьесъ разбѣгались, вѣроятно, кошки и собаки изъ сосѣднихъ домовъ, но тѣмъ не менѣе опыты дали очень большіе результаты...

Понятно, не только Маражъ и Махъ, а сплошной кинематографъ. Авіація, радій, беспроволочный телеграфъ, лучи Рентгена, выращиваніе живой ткани, теорія прерывныхъ функций, самъ кинематографъ, почти фотографированіе мысли. Во всякомъ случаѣ вплотную подошли къ передачѣ и закрѣпленію мысли, и какъ будто совсѣмъ близка мечта Метерлинка о томъ, чтобы людямъ были излишни уже слова: мысли будутъ передаваться безъ словъ...

Вдругъ нормальная жизнь стала кверху ногами. Та же природа, тѣ же люди, то же теченіе времени въ безконечности, но все перевернулось, дѣлаетъ сальтомортале и другіе фокусы.

Большая половина культурнаго міра занялась разрушеніемъ, вмѣсто созиданія и творчества. Можетъ быть обитатели Марса или Сатурна съ удивленіемъ наблюдаютъ въ свои невѣдомые еще намъ телескопы происходящее на Землѣ. У нихъ, возможно, есть уже трубы, которыми улавливаются не только зрительныя впечатлѣнія, но и колебанія нервныхъ токовъ. И если такія колебанія мірового пространства улавливаются, то не-

сомнѣнно тамъ, на сосѣднихъ планетахъ, весьма обезпокоены: все время теперь наблюдаютъ какое-то особенное небывалое явленіе, въ родѣ можетъ быть сѣвернаго сіянія или магнитной бури.

Милліоны людей вдругъ рѣшили уничтожить другъ друга, все разрушать, забывши науку, искусство, высокія идеи человѣчества. Заповѣди и аксіомы вдругъ сузились, толкованіе ихъ измѣнилось. Тотъ же Метерлинокъ, проповѣдникъ мира и высокаго общенія душъ, пошелъ съ оружіемъ на защиту своей разрушенной родины.

Идетъ міровая война!

Рядъ великихъ именъ стремился доказать, что единичныя личности въ исторіи почти ничтожны, есть какіе-то общіе міровые законы исторіи, и сами люди, которые, можетъ казаться, движутъ событія, есть только капризы тѣхъ же міровыхъ историческихъ законовъ.

То, что происходитъ сейчасъ въ Европѣ, захватило почти весь мѣръ; этотъ болѣзненный періодъ организма міра, это временное помѣшательство дастъ послѣ войны благодѣтельный результатъ. Хочется въ это вѣрить. Выздоровленіе— самая пріятная часть жизни. И большинству изъ насъ несомнѣнно суждено пережить одинъ изъ лучшихъ періодовъ исторіи, который наступитъ послѣ войны, этой острой болѣзни. Послѣ войны жизнь будетъ еще интереснѣе, чѣмъ была до войны. Такой грандіозной войны раньше не бывало. На время остановившееся культурное теченіе мысли двинется съ увеличенной скоростью и энергіей.

Мы, превосходно одаренные Славяне, найдемъ наконецъ, вѣру въ себя, которой намъ такъ часто недоставало. И тѣ же Маражъ и Махъ, оба Славяне, одинъ офранцузившійся, другой онѣмечившійся, не будутъ прятать свое славянское происхожденіе: до сихъ поръ это иногда дѣлали.

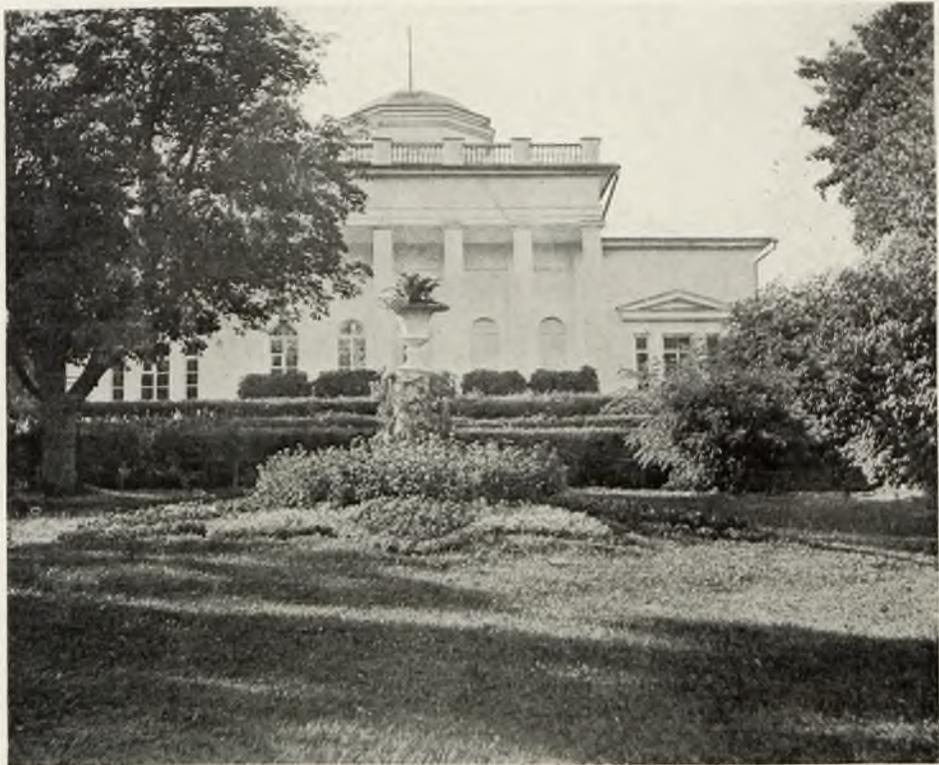
Развертывающіяся сейчасъ передъ глазами событія даютъ увѣренность несомнѣнную въ томъ, что полувѣковое излишнее почтеніе къ нѣмецкому, къ Нѣмцу, который „выдумалъ обезьяну“, исчезнетъ. Выростетъ уваженіе къ личности, вмѣсто уваженія къ отдѣльной національности. Нѣмецъ выдумавшій обезьяну, но сильно порастратившій честность и благородство, былъ жупеломъ въ теченіе почти полвѣка. Этому приходитъ конецъ. И можетъ быть абсурдъ войны есть неотъемлемое, нужное звено исторіи. Какъ сильный вѣтеръ освѣжаетъ атмосферу или сгоняетъ тину, которой началъ зарастать прудъ, такъ и война вдругъ освѣжитъ не только мозги, но и душу людей. Можетъ быть необходимо постоять и кверху ногами? А что послѣ войны жизнь культурнаго міра станетъ необычайно интересна—въ этомъ является все большая и большая увѣренность...

Эпикуръ.

Порт. А. Г. Корсаковой.
(Неизв. художника.)

Барскій домъ въ Гораяхъ.

ГОРАИ.

(Опочецкаго уѣзда, Псковской губ.).

Въ паркѣ Гораевъ.

Порт. А. И. Лорера.
(Раб. художника Mitou).

Гостиная
въ Гораяхъ.

Имѣніе „Горай“ Опочецкаго уѣзда, Псковской губерніи, принадлежащее нынѣ баронессѣ Ольгѣ Николаевнѣ Розенъ и перешедшее отъ ея покойнаго мужа барона Георгія Владиміровича Розенъ, воспитанника его пріемной бабушки, Маріи Ивановны Лореръ.

Прекрасно сохранный, барскій домъ въ Гораяхъ построень въ началѣ 19-го столѣтія мужемъ первой владѣлицы имѣнія, Александромъ Ивановичемъ Лореромъ. Это былъ храбрый кавалеристъ, раненый подъ Аустерлицемъ и Фриландомъ, сражавшійся со шведами въ 1809 году, потомъ поселившійся въ деревнѣ, гдѣ въ 1824 году умеръ. Въ Гораяхъ имѣется великолѣпный портретъ А. И. Лорера, работы Mitou. Онъ женатъ былъ на Маріи Ивановнѣ Корсаковой, одной изъ выдающихся женщинъ того времени. Ей обязаны Горай всѣми своими художественными цѣнностями. Будучи близко знакома съ выдающимися художниками, она имѣла обыкновеніе заставлять каждого рисовать ей въ альбомъ. Этотъ альбомъ въ великолѣпномъ переплетѣ хранится въ Гораяхъ. Тутъ и Воробьевъ, и раннія акварели Айвазовскаго, и множество другихъ. Интересенъ рисунокъ Thomcy de Thomon.

Виньетка изъ „Исторіи кавалергардовъ“.

Prince Repnin. — Vous commandier la garde de l'Empereur Alexandre? — Je suis colonel et chef d'escadron dans le régiment des chevaliers-gardes. — Votre régiment a fait noblement son devoir...

Кавалергардскій полкъ, впервые увидавшій огонь, кровью своею запечатлѣлъ Царское слово—быть ему первому въ списокъ нашей кавалеріи. Своей безгранично храброй атакой подъ Аустерлицемъ онъ спасъ гвардію.

Герои Аустерлица, охранители царскихъ покоевъ, неизмѣнные спутники русскихъ царей въ величайшій моментъ ихъ царствованія—въ моментъ коронованія—лейбъ-гвардіи Кавалергардскій Ея Императорскаго Величества полкъ можетъ считать за собою уже 190 лѣтъ существованія, такъ какъ впервые, въ русской жизни, „кавалеръ-гардія“ появилась 7 мая 1724 года, въ день коронованія Императрицы Екатерины II.

Должно было совершиться необычайное событіе въ русской жизни:—первая русская царица должна была быть коронована“.

И для этого необычайнаго событія, которое должно было совершиться въ необычайной обстановкѣ, было велѣно генераль-

„ЗА КАВАЛЕРГАРДОВЪ“.

Историческая справка составлена по „Исторіи кавалергардовъ“ С. Панчулидзева.

„За кавалергардовъ!“

„Магически звучало это слово въ далекіе дни „славныхъ Екатерининскихъ временъ“! Сколько надеждъ пробуждало оно, какъ влекло и манило къ себѣ.

... „Обыкновенные, а потому и многолюднѣйшіе, пріѣзды во дворецъ были по воскреснымъ днямъ. Кто имѣлъ право носить шпату, тотъ могъ войти въ общую залу передъ кавалергардами: ни малѣйшаго не видно было надзора и каждому двери были открыты. Ни внизу, ни на лѣстницѣ, ни въ залѣ никому не приказано спрашивать: кто вы и куда идете?“

На краю общей залы была дверь, по сторонамъ которой стояли два кавалергарда изъ армейскихъ офицеровъ, въ кирасахъ и треугольныхъ шляпахъ, съ ружьями къ ногѣ.

Здѣсь начинался этикетъ входа. За кавалергардовъ могли входить только тѣ, кто былъ записанъ въ данномъ имъ списокѣ. Но и изъ сихъ большая часть не имѣла права входить далѣе

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, съ миниатюры на слоновой кости (собрание П. П. Дурново).

Императрица Марія Ѳеодоровна въ мундирѣ Кавалергардскаго полка 1797 г. (Гатчинскій дворецъ).

маіору Лефорту выбрать 60 человекъ изъ обрѣтающихся въ Москвѣ офицеровъ въ кавалеръ-гардію.

Эти первые кавалергарды несли свою службу въ коронованіи первой царицы: „ождая пока Ихъ Императорскія Величества на тронъ возопи, г. генераль поручикъ Ягужинскій, яко капитанъ Императорской кавалеръ-гардіи, такъ же и г. генераль-маіоръ Дмитріевъ-Мамоновъ, той же кавалеръ-гардіи поручикъ, стояли по обѣимъ сторонамъ входа большого приступа на тронъ для обереженія онаго; другіе два г. офицеры той же кавалеръ-гардіи бригадиръ Леонтьевъ и полковникъ Мещерскій стали по обѣимъ сторонамъ средняго приступа между входомъ на тронъ, всѣ четыре съ посохами команды своей въ рукахъ“.

Окончилось блестящее коронованіе Императрицы Екатерины I и „генераль поручикъ Ягужинскій предложилъ 26 Мая 1724 года бригадиру Леонтьеву, дабы данный на кавалеръ-гардію мундиръ выдать и положить въ удобное мѣсто и имѣть въ надлежащемъ храненіи“.

Каждая слѣдующая новая коронація вызывала вновь къ жизни „кавалеръ-гардію“ или, какъ стали звать, кавалергардовъ.

„Кавалергардскій корпусъ“, который Екатерина II повелѣла составить 5 іюля 1762 года графу И. С. Гендрикову, назначенному шефомъ этого корпуса, получилъ 24 марта 1764 года свой новый штатъ, по которому онъ состоялъ изъ 1 шефа, 1 поручика, 1 вахмистра, 4 капрановъ и 60 кавалергардовъ; всѣ кавалергарды Екатерининской эпохи были приписаны въ то же время къ другимъ полкамъ Россійской арміи.

При Императорѣ Павлѣ I организація кавалергардовъ испытывала рядъ измѣненій и преобразованій.

Во время коронаціи Павла Петровича „особенно поразило всѣхъ присутствующихъ обмундированіе кавалергардовъ, вновь сформир-

„Тронной“, за которою находились „Бриллиантовая, а за сею „Уборная“ комнаты“.

Кавалергарды...

Вспоминаются и широкія равнины Аустерлица и слѣдующая историческая сцена:

„На лѣвомъ берегу Раузницкаго ручья стоятъ остатки Кавалергардскаго полка. На противоположномъ берегу, на холмѣ стоитъ Наполеонъ, окруженный многочисленною свитою. У подножья холма его гвардія. Рангъ приказываетъ подвести плѣнныхъ офицеровъ къ Наполеону. На вопросъ Наполеона: кто старшій? ему назвали кн. Репнина.—Votre nom, monsieur? спросилъ Наполеонъ Репнина.—

Видъ казармъ Кавалергардскаго полка 1797 г.; теперь на этомъ мѣстѣ Литовскій замокъ.
Рис. Петерсона (собрание П. Я. Дашкова).

Кавалергардскій плацъ и берегъ Мойки; нынѣ застроено зданіями военнаго вѣдомства между Конногвардейскимъ переулкомъ и Благовѣщенской улицей.

рованныхъ изъ выборныхъ людей конной гвардіи—одинъ эскадронъ кавалергардовъ одѣтъ былъ въ серебряныя латы, сдѣланныя изъ бывшихъ столовыхъ серебряныхъ сервизовъ для наместниковъ”.

А въ 1800 году лейбъ-гвардіи конный полкъ—созданіе Императрицы Анны Іоанновны—„былъ выведенъ въ полномъ строѣ въ Царскомъ Селѣ передъ дворцомъ и Государь Императоръ Павелъ I изволилъ лично отобрать 7 унтеръ-офицеровъ, 5 музыкантовъ, 249 рядовыхъ и 245 лошадей, первыхъ со всей амуницией, вторыхъ въ полномъ конскомъ уборѣ” — появился новый кавалергардскій полкъ, какъ составная единица великой русской арміи.

А. Меншиковъ.

Подъ портретомъ подпись:

Alexander Menschikow.
Romani et Rossiaci Imperij
Prinseps. Dux. Ingria
Exercitulum Czariae Majestatis
Feld-Mareschallus
etc.

14 октября 1814 года, въ день рожденія Императрицы Маріи Феодоровны, кавалергарды, послѣ похода въ Парижъ, вернулись въ Красное Село. А черезъ два дня—16 октября—Императрица, державный шефъ полка—несмотря на чисто петербургскую осеннюю погоду: слякоть, дождь, переходящій въ снѣгъ—прибыла изъ Гатчины въ Красное Село на смотръ своему полку. „Государыня Императрица чрезвычайно была довольна устройствомъ и порядкомъ, какой сохраненъ при возвращеніи изъ столь дальняго и труднаго похода”.

Послѣ смотра кавалергардскій полкъ выступилъ къ Петербургу, расположившись по деревнямъ у Екатерингофа.

Графъ Иванъ Симоновичъ Гендриковъ, шефъ Кавалергардскаго корпуса съ 5 іюня 1762 г. по 30 декабря 1764 г.; съ литографіи Поля Пети, по акварели Э. Гау.

Графъ Павелъ Ивановичъ Ягужинскій, капитанъ-поручикъ Кавалеръ-гардіи съ 10 сентября 1727 г. по 7 іюня 1731 г. (изъ собранія П. П. Дурново).

До царствования Императрицы Екатерины II у кавалергардин не было постоянного мѣстожителства, — имъ отводились квартиры отъ Двора. Въ Екатерининскіе дни канцелярія Кавалергардскаго корпуса кочевала по Петербургу: до 1765 года она помѣщалась въ старомъ зимнемъ домѣ—въ бывшемъ дворцѣ Императора Петра I на Милліонной набережной улицѣ, теперь Дворцовая набережная. Потомъ для канцеляріи былъ нанятъ на той же Милліонной улицѣ домъ Демидова, причеиъ за наемъ помѣщенія платилась большая сумма по тому времени: 16 рублей въ мѣсяцъ!

Изъ Милліонной улицы кавалергардская канцелярія перекочевала на Хамовую уллицу, нынѣ Моховую. Хамовая улица звалась такъ вовсе не потому, что здѣсь жили „хамы“; здѣсь еще во времена Петра Великаго были помѣщены „мастера хамова дѣла“, т. е. ткачи полотна и парусовъ для флота. Впослѣдствіи, петербуржцы, считая неблагозвучнымъ названіе „Хамовая“, переименовали его на болѣе благозвучное простою перестановкою слоговъ и получила „Моховая“ улица. Въ этой улицѣ кавалергарды занимали домъ Вихляева, петербургскаго купца. Домъ этотъ, конечно, не сохранился, мудро даже указать и мѣсто, гдѣ онъ былъ построенъ...

Въ дни Павла кавалергардскимъ эскадронамъ были отведены нынѣшній Литовскій Замокъ и бывший боуерскій корпусъ, теперь казармы л.-гвардин коннаго полка. Павелъ I сформировалъ кавалергардовъ изъ конной гвардіи, которая впослѣдствіи заняла казармы кавалергардовъ.

Въ началѣ XIX вѣка кавалергарды, наконецъ, получили постоянное мѣстожителство. На старомъ запасномъ дворѣ, т. е. тамъ гдѣ въ Царствование Императрицы Елисаветы Петровны приготовлялись и хранились припасы для Высочайшаго Двора, по проекту архитектора Русско были построены кавалергардскія казармы, Шефскій домъ и конюшни.

Кавалергардскій полкъ получилъ въ свое вѣдѣніе и церковь во имя Захарія и Елисаветы, построенную въ 1752—1756 году для того же запаснаго двора и вообще для придворныхъ служителей. Эта церковь сохранилась въ своемъ первоначальномъ видѣ до 1897 года, когда она была перестроена по проекту архитектора Л. Н. Бенуа...

П. Нэббо.

ТУРИЗМЪ.

МОЕ САМОЕ НЕПРІЯТНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

Рис. Рэкама. (Country Life).

(Продолженіе).

XI.

ПАРИЖЪ ВЪ ПЕРВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ.

22 іюля. Снова въ Парижѣ. Мобилизація идетъ превосходно. Острая паника проходитъ, но Парижъ совершенно неузнаваемъ.

„Нѣмцы не наступаютъ!“—именно этого страшно боялись Французы. Боялись, что въ Германіи все готово давно уже и въ день объявленія войны, а можетъ быть и до объявленія, нѣмецкія полчища сразу ринутся на Францію.

„Онъ (Вильгельмъ) что-то знаетъ... У него что-то есть, иначе онъ не полѣзъ бы въ войну съ Россіей“...—говорятъ Французы.

И это „что-то“ всѣхъ страшно пугаетъ, всѣ ждуть чего-то ужаснаго, непредвидѣннаго. Но мѣръ того, какъ проходятъ часы и дни, понемногу всѣ успокаиваются. Оказывается, что „онъ“ ничего не знаетъ, а просто ринулся, очертя голову.

Уже слышатся такіе разговоры.

Въ первые два дня парижане обезумѣли отъ страха, всѣ бросились къ магазинамъ, продающимъ съѣстные припасы. Пришлось поставить около нихъ полицію...

У большого гастрономическаго магазина Потэнъ стоитъ толпа въ тысячу человѣкъ. У дверей городовые впускаютъ по очереди, по одному. Каждому отпускается не свыше извѣстнаго количества съѣстныхъ припасовъ. Всѣмъ уже мерещится осада Парижа, многіе полѣзли въ свои погреба подготавливать ихъ для жилья. Покупаютъ свѣчи, масляныя лампы, для того, чтобы освѣщать эти подвалы... Растерялись не только парижане, растерялись и Русскіе. Одинъ русскій губернаторъ, застрявшій тутъ съ семьей, купилъ всякой непортящейся провизіи и сложилъ у себя въ номерѣ въ шкафы. Торговцы попробовали было подымать цѣны, но префектъ Парижа объявилъ, что за это будутъ судить военнымъ судомъ. Сразу у всѣхъ отбило охоту.

Въ первые два-три дня паника была такъ велика, что Французы подчитывали уже:—„Въ десять дней Германцы могутъ быть въ Парижѣ“. Такъ говорили серьезные люди.

Страхъ передъ Нѣмцами великъ. У Французовъ громадная рѣшимость сражаться до конца, всѣ понимаютъ, что эта война за то, *быть или не быть Франціи*, но у всѣхъ невольно пробивается воспоминаніе о семидесятомъ годѣ.

Вдругъ явилось требованіе на исторію франко-прусской войны. Я тоже сижу съ книгой въ рукахъ и съ каждой новой страницей, къ счастью, убѣждаюсь, что теперешнее совѣтъ не похоже на то, что было тогда, 44 года назадъ. Германія много сильнѣе, но и Франція совершенно не та. Тогда никто не боялся Нѣмцевъ, Французы сами лѣзли на войну и, не будучи освѣдомлены о силахъ и своихъ, и врага, всѣ увѣрены были въ побѣдѣ. Теперь всѣ боятся, всѣ оцѣниваютъ серьезность положенія, но теперь все подготовлено. Тогда на войну послали плохо устроенную армію, теперь идетъ сражаться вся Франція. Въ 1870 году въ основной французской

арміи было всего 290.000 солдатъ, тогда какъ прусская армія состояла изъ 1.258.000. Во Франціи было полное отсутствіе организаци, плана дѣйствій, а германская армія шла, какъ на парадѣ.

Совѣтъ не похоже. И перечитывая снова исторію, я съ радостью убѣждаюсь, что на тогдашнихъ Французовъ теперь похожи именно Нѣмцы, со своей увѣренностью, со своимъ бахвальствомъ, со своимъ Вильгельмомъ II, желающемъ подражать Наполеону I, но котораго, кажется, ждетъ судьба Наполеона III.

Тогда, въ началѣ кампаніи, генераль Мишель телеграфировалъ изъ Бельфора въ Парижъ военному министерству:

„Не нашель моей бригады. Не нашель дивизионнаго генерала. Что дѣлать? Гдѣ мои полки?“

Министерство телеграфировало изъ Парижа генералу Дуайи: „Гдѣ вы находитесь? Гдѣ находятся ваши полки? Немедленно отвѣчайте“.

Теперь отовсюду сообщаютъ объ удивительномъ порядкѣ французской мобилизаціи.

* * *

Всего двѣ недѣли назадъ, ѣдучи по прекраснымъ, лучшимъ въ мірѣ дорогамъ изъ Берлина въ Потсдамъ и Шпандау, я видѣлъ, какъ по нимъ маршировали германскіе полки. Я думалъ:

„Германія все вооружается и вооружается. Хочетъ ли она раздавить своими силами Францію или это только боязнь реванша? Увы, кажется, этого реванша ей нечего бояться“.

Какъ я ошибался. Какъ все перевернулось за двѣ недѣли. Все стало кверху ногами, прежняя логика сдѣлалась негодной.

И хочется вѣрить, что моментъ реванша пришелъ.

XII.

ЖИЗНЬ ПАРИЖА ВЫБИТА ИЗЪ КОЛЕИ...

Большинство магазиновъ закрыто, на всѣхъ флаги—французскіе, англійскіе, американскіе.

На нѣкоторыхъ окнахъ и вывѣскахъ надписи мѣломъ:

„Это магазинъ бельгійскій“.

„Владѣлецъ этого магазина американецъ“

Боятся дальнѣйшихъ разгромовъ. Третьяго дня было разбито нѣсколько нѣмецкихъ магазиновъ. Одни, якобы, за то, что пробовали увеличивать цѣны на продукты, другіе — просто за то, что они нѣмецкіе.

Я видѣлъ, какъ громилъ нѣмецкую молочную, около бульвара Сень-Жерменъ. Мало того, что выбили окна, поломали стойки и все перевернули въ магазинѣ, но еще каждую бутылку съ молокомъ отдѣльно перебрасывали черезъ окно на руки другъ другу и затѣмъ съ остервененіемъ расколачивали посреди улицы. Каждая разбитая банка со сметаной вызывала восторгъ толпы...

„Хозяинъ этого кафе призванъ на службу офицеромъ и уѣхалъ въ дѣйствующую армію сегодня въ 3 часа ночи“.

Призваны на военную службу большинство гарсоновъ, кафэ остались почти безъ прислуги. Столики съ тротуаровъ убраны, кафэ опустѣли.

До сегодняшняго дня оставались прислуга—швейцарцы, но сегодня и имъ пришлось бросить свою излюбленную специальность и спѣшно уѣхать въ Швейцарію—тамъ тоже мобилизація.

Театры всѣ закрыты, нигдѣ никакой музыки.

Съ сегодняшняго дня, всѣ кафэ и рестораны закрываются обязательно въ 8 час. вечера. Улицы полуосвѣщены, движеніе замерло.

* * *

Всѣ автобусы еще въ первый день мобилизаціи взяты на войну. Я видѣлъ, какъ въ нихъ спѣшно выламывали сидѣнья и ввинчивали въ потолокъ большіе крюки. Они будутъ служить для перевозки мяса и другого провіанта для арміи. Всѣ частные легковые автомобили также взяты для надобностей войны. Это десятки тысячъ машинъ! Оставили только автомобили посольствъ и консульствъ. Таксомоторы не взяты, они слишкомъ плохи, но зато ушло на войну большинство шофферовъ.

Взяты лошади у многихъ извозчиковъ и сами извозчики. Парижъ пустъ. Ѣздить не на чемъ, даже „метро“ не ходитъ.

Одинъ русскій миллионеръ побѣждалъ купить себѣ велосипедъ и на немъ пріѣзжаетъ теперь въ „Грандъ-Отель“...

На улицахъ появились какіе-то старые рыдваны, двуколки, хромья лошади—все, что было сдано давно уже въ архивъ, что не пускали въ обыкновенное время на улицы Парижа!

Въ саду Тюльери играютъ, какъ прежде, дѣти: для нихъ нѣтъ войны. Насыпаютъ въ тачку песокъ, везутъ на другую дорожку, высыпаютъ, — потомъ насыпаютъ и везутъ обратно... Сломалась тачка, потому что двое мальчугановъ тянули ее въ разныя стороны. Нуженъ гвоздь, иначе не починишь. Одинъ думаетъ, засунувши палецъ въ ротъ, гдѣ бы взять гвоздь. Выдумываетъ! Сажаетъ другого на песокъ, снимаетъ у него ботинокъ и вывертываетъ винтъ, которымъ былъ прикрѣпленъ къ каблукъ резиновый кружокъ...

Я съ удовольствіемъ смотрю на эту сценку, я не сержусь, что они меня совсѣмъ заплыли. Если на войнѣ французскій солдатъ будетъ такъ же находчивъ, нѣмцамъ придется не весело.

* * *

Большинство французскихъ солдатъ совсѣмъ шупленькіе, но вѣдь сейчасъ на войнѣ нужна не фигура, физическая сила, хорошая маршировка—нуженъ механикъ, шофферъ...

„Они какіе-то совсѣмъ штатскіе, эти французскіе военные“,—говорятъ, знающіе армію.

„Но вѣдь теперь война не штыкомъ, а помощью машинъ... страшныхъ машинъ“,—возражаютъ другіе.

...„Англійскій парламентъ вотировалъ единогласно кредитъ въ 50 миллионъ фунтовъ... Англійскій флотъ уже мобилизованъ... Англія гарантируетъ цѣлость сѣверныхъ и западныхъ береговъ Франціи и тотчасъ откроетъ военныя дѣйствія противъ Германіи, если та нарушитъ нейтралитетъ Бельгіи“...

Это цитируется на сотни ладовъ газетами. Это у всѣхъ на языкѣ. Это національная радость. Настроеніе вдругъ подымается.

Осада Парижа уходитъ дальше. Осада Парижа, какъ страшный кошмаръ мерещилась всѣмъ эти дни. Сегодня въ нее уже не вѣрятъ. Англія съ нами!

Кошмаръ проходитъ.

* * *

Въ саду Пале-Рояля старикъ сторожъ собралъ сотню воробьевъ и продѣлываетъ

съ ними всякіе фокусы. Воробьи его знаютъ, ничуть не боятся. Онъ командуетъ.

„На траву!“

Они летятъ на траву.

„На дорожку!“

Воробьи летятъ на дорожку.

Потомъ старикъ подымаетъ руки и говоритъ:

„Сюда, мои маленькіе авіаторы!..“

Кругомъ толпа, смѣются, даютъ су. Милый Парижъ! Онъ вѣренъ себѣ и въ эти тяжелыя минуты. Больше серьезныхъ лицъ, кое-гдѣ печальныя женщины, но въ общемъ это Парижъ. Я увѣренъ, что въ немъ, ждущемъ осады, сейчасъ все-таки жизнерадостнѣй, чѣмъ въ Берлинѣ, который наступаетъ.

XIII.

ФАНТАСМАГОРІЯ.

23 іюля. Настроеніе Парижа улучшается, за то ухудшается мое.

Появилось больше таксомоторовъ. Управлять ими сѣли старики и женщины.

Сегодня утромъ, въ 11 час., площадь Оперы и rue de la Paix представляли поразительную картину. По нимъ сплошнымъ стадомъ гнали коровъ и быковъ: отъ Вандомской колонны къ площади Оперы. Погонщики перекликаются чуть не отъ place Vendome, точно гдѣ-нибудь въ глуши Нормандіи. Протяжно-пронзительно кричитъ одинъ въ головѣ стада, другой отвѣчаетъ ему какимъ-то непередаваемымъ звукомъ въ концѣ...

Въ русскомъ консульствѣ и посольствѣ по ирженему толпа. Всѣ растеряны. Никто ничего не знаетъ; ни посоль, ни консулъ. Русскіе идутъ справляться къ консуламъ испанскому, греческому, итальянскому. Тамъ все-таки кое-что говорятъ.

Ведется запись желающихъ выѣхать въ Россію. Записано уже тысячи двѣ и толпа ждетъ.

— Онъ съ ума сошелъ!— слышно кругомъ о Вильгельмѣ.

— Онъ всѣмъ объявляетъ войну... Второй Наполеонъ, Александръ Македонскій...

Настроеніе лучше. Снова искорками свѣтится французскій юморъ. У солдата на gare de l'Est привѣшенъ плакатъ— „Voyage de plaisir à Berlin“, на вагонахъ надписи „Train de plaisir à Berlin“...

Лакей австрійскаго посла, покидая своего бывшаго барина, на замѣчаніе того, что Парижъ въ опасности, говоритъ:

— До свиданія, въ Вѣнѣ, Votre Excellence...

Это подхватываютъ газеты.

Въ гостиницахъ кормятъ дрянью, цѣны увеличены. Но денегъ пока не требуютъ, всѣ подписываютъ счета.

Многіе хозяева гостиницъ пользуются моментомъ и стараются сорвать, что можно. Особенно отличается нашъ „Грандъ-Отель“. Объявили, что обязательно ѣсть въ отелѣ по установленнымъ очень высокимъ цѣнамъ—иначе очищайте комнаты.

Когда я хотѣлъ уплатить русскими деньгами, мнѣ кисло предложили по 95 франковъ за 100 рублей...

* * *

Но все-таки сидѣть въ Парижѣ нельзя, надо какъ-нибудь ѣхать въ Россію. Черезъ Сѣверное море нельзя, по Средиземному морю нельзя—рѣшаю ѣхать въ Америку.

Семь дней до Нью-Йорка, оттуда по Канадской желѣзной дорогѣ пять дней до Ванкувера. Ждать недѣлю перваго парохода и 13 дней отъ Ванкувера до Нагасаки; оттуда три-четыре дня до Владивостока и тамъ 12 дней въ Петербургъ. Всего, 47-48 дней, но за то навѣрняка быть въ Петербургѣ. Лучшее это, чѣмъ сидѣть здѣсь въ полной неопредѣленности.

Третьяго дня я заказалъ билеты на французскій пароходъ „La France“, отходящій отъ Гавра 24 іюля по старому стилю. Сегодня утромъ мнѣ сообщили у Кука,

Греція. Рельефъ „Танцующая дѣвушка“ изъ Афинскаго музея.

Греція. Скульптура „Танцующая дѣвушка“ изъ Дельфъ.

что пароходъ взять для нуждъ французскаго военнаго флота, онъ не отойдетъ...

Контору Кука буквально осаждали въ первые дни. Пришлось сблать барьеры, за которыми стоятъ служащiе, сложивши крестообразно на груди руки и всѣмъ отвѣчаютъ одно и то же.

— Поѣзда не ходятъ... Пароходы не ходятъ... Мы ничего не можемъ продавать, никакихъ билетовъ! Можетъ быть, въ теченiе ближайшихъ дней что-нибудь выяснится... Вотъ видите, всѣ Американцы тоже застряли въ Парижѣ! А въ Лондонѣ ихъ сейчасъ больше 5.000 человекъ...

Американцы попробовали уѣхать, но вернулись обратно. Сегодня въ нашемъ отелѣ было собранiе Американцевъ. Собралось

У береговъ о. Корсики.
Направо стоитъ дочь Екатеринославскаго губернатора Колобова.
(Фот. автора).

болѣе 500 человекъ. Инициаторомъ выступилъ какой-то агентъ или корреспондентъ „New-York-Herald“.

Засѣданiе шло цѣлый день и агентъ отъ имени „New-York-Herald“ предложилъ Американцамъ переправить ихъ въ Соутгемптонъ. А отсюда они, можетъ какъ-нибудь доберутся до Америки. Все-таки легче, чѣмъ изъ Францiи. Это „какъ-нибудь“ весьма замысловато. Всѣ трансъ-атлантическiе пароходы, вышедше изъ Америки или въ Америку, спѣшно вернулись въ порты. Всѣ германскiе, англiйскiе и французскiе пароходы взяты для военныхъ надобностей.

За скорѣйшимъ пассажирскимъ пароходомъ мiра „Мавританiей“ третьяго дня гнались нѣмецкiе крейсера. Ихъ маркониграммы перехватилъ англiйскiй крейсеръ „Эссексъ“ и успѣлъ телеграфировать „Мавританiи“, чтобы та, не теряя ни секунды, повернула къ ближайшему порту Галифаксу (на Ньюфаундлендѣ) и шла на всѣхъ парахъ, не щадя машинъ. Капитанъ „Мавританiи“, получивши это извѣстiе, такъ быстро повернулъ пароходъ, что стоявшiе пассажиры попадали. Были тотчасъ закрыты всѣ люки, опущены водонепроницаемыя двери и „Мавританiя“, съ крайнимъ напряженiемъ скорости, до 30 узловъ, пошла въ Галифаксъ. Ей удалось уйти отъ нѣмецкой погони...

Въ какомъ состоянiи были пассажиры, не понимавши въ чемъ дѣло, запертые въ тѣхъ помѣщенiяхъ, гдѣ они находились въ данный моментъ, видно изъ того, что американскiя газеты выпустили особыя прибавленiя съ плакатами:

„Самое страшное путешествiе по океану“.

Всѣ сообщенiя по Атлантическому океану прерваны. Какая-то фантазмагорiя! Миѣ моментами кажется, что я сплю и все это вижу во снѣ: хочется проснуться.

* * *

Въ Соутгемптонѣ Американцы все-таки уѣхали, заплативши за это досужему агенту еще болѣе досужей газеты по 100 долларовъ съ человека. 500 человекъ по 100 долларовъ—100.000 рублей! „Нашъ пострѣлъ всюду поспѣлъ“. „New-York-Herald“ послалъ Стэнли искать Ливингстона въ Центральную Африку, теперь хочетъ перевести янки къ себѣ домой. Что труднѣе? Несомнѣнно, второе. Путешествiе по культурному мiру теперь труднѣе, чѣмъ въ дѣбряхъ Африки.

Фантазмагорiя.

На дняхъ Коппанъ Дойль началъ свои романъ „Опасность“ („Danger“), гдѣ онъ рисуетъ войну двухъ европейскхъ державъ,

Краски талантливаго романиста оказались слишкомъ блѣдны, дѣйствительность превзошла фантастическiй вымыселъ...

У меня въ карманѣ разрѣшенiе префекта, рекомендацiи и удостовѣренiя нашего посла и генеральнаго консула, рекомендацiя военнаго французскаго министра, разрѣшенiе военнаго комиссара—и я не могу выѣхать изъ Парижа.

Мессинскiй проливъ, говорятъ, минированъ. Входъ въ Адриатическое море минированъ. Вездѣ плавучiя мины. И по Сѣверному, и Средиземному морямъ рыскаютъ нѣмецкiе крейсера...

Приходится ждать.

Нашъ посолъ увѣряетъ, что выѣхать невозможно. То же подтверждаетъ военный агентъ и генеральный консулъ. Къ сожалѣнiю, они подтверждали это и слѣдующiе дни, когда выѣздъ оказался возможнымъ...

Ночами почти не спимъ. Въ первые дни мобилизацiи всю ночь ѣздили по улицамъ автомобили социалистовъ. Социалисты, расположившись на платформѣ или на крышѣ, кричали:

— „A bas la guerre!.. Долой войну, долой войну“...

Теперь прекратились эти демонстрацiи, начались патрiотическiя съ национальными флагами и пѣнiемъ марсельезы.

Когда темнѣетъ, смотримъ съ балкона, какъ лучи прожектора ходятъ по небу, ищутъ вражескiе цепплины или аэронавы. Ждутъ, что ночью Нѣмцы прилетятъ бросать бомбы на Парижъ.

Какой-то ювелиръ изъ Одессы у насъ рассказывалъ, что онъ навѣрно знаетъ, что первая бомба будетъ брошена именно въ центрѣ Парижа, какъ разъ на нашъ „Грандъ-Отель“ и поэтому онъ уже перемѣнилъ себѣ комнату—съ пятаго этажа переѣхалъ во второй.

„Туда не пробьешь“, увѣряетъ онъ.

XIV.

ИЗЪ ПАРИЖА.

29 июля. Парижъ перевозенъ до крайности. Пять-шесть разъ въ день выходятъ газеты, по нѣскольку сразу, маленькими полулистами — уже ощущается бумажный голодъ. „Illustration“ и тотъ вышелъ маленькимъ тоненькимъ номеромъ, сплошь посвященнымъ войнѣ. Никакихъ интересовъ кромѣ войны, все забыто для нея.

Бѣлыя и ярко-цвѣтныя блузки и платья продаются со скидкой, черное повысилось въ цѣнѣ.

Сегодня днемъ я видѣлъ, какъ на площади около Трокадеро ставили пушки (проектили) для обстрѣливанiя цепплиновъ; опасаются, что они первымъ долгомъ разрушатъ Эйфелеву башню, сильнѣйшую станцiю беспроволочнаго телеграфа. Если бы были перерѣзаны всѣ телеграфныя кабели, то достаточно одной Эйфелевой башни, чтобы сносятся съ Россiей и дальше, за пять тысячъ верстъ. Давно ли телеграфъ Эйфелевой башни служилъ для научной работы, для провѣрки обсерваторныхъ часовъ всего мiра?..

На площади Афинъ.

(Фот. автора).

Я вспоминаю невольно эту площадь Трокадеро во время всемирной выставки 1900 года. Тутъ была сплошная иллюминацiя, музыка, веселая шумная толпа, каскады воды, море огня... Сейчасъ тоже огни прожектора, но чтобы искатъ въ воздухъ врага. Пушки, солдаты и больше никого. Европа спитъ и видитъ во снѣ кошмаръ.

Скорѣ бы радостное пробужденіе! Выздоровливающий организм такъ радостно живеть... Хочется вѣрить, что это наступитъ скоро...

* * *

Нервы напряжены до крайности. Одни продавцы газетъ могутъ свести съ ума. Здоровыхъ взяли на войну, остались калѣки, хромые, слѣпые, глухіе и женщины— всѣ они дикими неистовыми голосами кричатъ съ шести часовъ утра до часу ночи. Торгуютъ старухи, дѣти, торгуютъ вчерашніе анаши.

Передъ выходомъ „Temps“ ждуть у каждаго кіоска, уплачивая впередъ 15 сантимовъ, чтобы скорѣе получить номеръ.

Удивительно, что „Matin“, одно изъ самыхъ большихъ газетныхъ предпріятій міра, сейчасъ какъ-то завяло, съжилось, выходитъ однимъ полулистикомъ и почти не имѣетъ „собственныхъ телеграммъ“. Вообще всѣ французскія газеты заразились общей паникой и кромѣ того лишились большинства сотрудниковъ и мастеровъ, все взято на войну. Все одни и тѣ же крайне скупныя извѣстія печатаются то въ одной, то въ другой редакціи, и въ утреннихъ, и въ дневныхъ, и въ вечернихъ газетахъ. Голова идетъ кругомъ.

Нашъ посольствитель жмѣ ждать десять дней, обѣщая что-нибудь устроить, для выѣзда. Къ сожалѣнію, пока ничего не устроилось... Никто ничего не знаетъ, всѣ живутъ слухами. Надо на что-нибудь рѣшиться.

Рѣшаемся ѣхать на Бриндизи и оттуда перебраться въ Грецію, хотя бы съ большимъ рискомъ, хотя бы на рыбацкой шхунѣ.

Цѣлыхъ два дня мытарствъ, чтобы получить разрѣшеніе на желѣзнодорожный билетъ. У Лионскаго вокзала нѣсколько тысячъ человекъ по два-три дня ждуть очереди подойти къ кассѣ. Стоять до обморока, до потери сознанія. Вокзалы оцѣплены солдатами, поѣзда идутъ безъ росписаній.

Наконецъ мы въ вагонѣ.

Носильщикъ увѣряетъ, что поѣдемъ три дня: будто бы предыдущіе поѣзда шли до Марселя четверо сутокъ.

Этимъ слухамъ вѣрятъ, передаютъ другъ другу. Они невѣрны: черезъ 18 часовъ мы въ Марсельѣ. Но какая ночь. Толпы резервистовъ, среди нихъ много пьяныхъ. Лѣзутъ ночью въ поѣздъ, въ нашъ вагонъ. Кондуктора спрятались, никакого начальства, никакіе доводы недействительны, рискъ получить бутылкой по головѣ. О снѣ нечего и думать.

Въ Лионѣ толпа резервистовъ выходитъ изъ вагона. Въ нашемъ коридорѣ остаются битыя бутылки, обѣдки, грязь...

Въ Тарасконѣ резервисты опять лѣзутъ въ вагоны. Встрѣчаемъ поѣзда алжирскихъ зуавовъ. Всѣ идутъ туда къ Нанси, гдѣ ожидаютъ небывалую бойню.

Но съ каждымъ днемъ Германія теряетъ свое преимущество— быстро. Геройское сопротивление Бельгийцевъ разрушило планъ наступленія на Францію сразу по всему фронту. Неужели французы не успѣютъ все-таки подготовиться?

Франція многимъ обязана Бельгіи. Французы это понимаютъ. Всюду появились бельгійскіе флаги.

XV.

МАРСЕЛЬ, ИТАЛЬЯНСКІЙ ПАРОХОДЪ, БУЙАББЕСЬ.

Утомленные за двадцать часовъ и физически, и морально такъ, какъ можно утомиться только за недѣлю, приѣзжаемъ въ Марсель.

На вокзалѣ встрѣчаемъ первыхъ раненыхъ. Тутъ устроенъ госпиталь. Впереди раненаго солдата идетъ офицеръ и расталкиваетъ дамъ.

„Дорогу раненому!“

Въ глазахъ изнѣженныхъ французовъ каждый солдатъ уже герой, все для него, все это съ излишнимъ подчеркиваніемъ, нѣсколько неприятнымъ.

Марсель вдали отъ войны. Сюда врагъ по-суху, во всякомъ случаѣ не придетъ, а море въ рукахъ Франціи. Остались только „Гебенъ“ и „Бреслау“.

Мечемся по Марселю. Оказывается, что всѣ свѣдѣнія, полученные нами въ Парижѣ, невѣрны—пароходы все-таки ходятъ. Сейчасъ отходитъ большой итальянскій пароходъ въ Геную. На немъ одинъ третій классъ, все полно, но мы почти умоляемъ, чтобы насъ взяли. Необходимо разрѣшеніе. Хлопочемъ у префекта, у итальянскаго консула и, наконецъ получаемъ разрѣшеніе.

Верстахъ въ пяти отъ города, на молѣ, грязная кричащая толпа. Никакъ не протолкаться. Нашелся доброволецъ-мальчуганъ, обязавшійся провести насъ къ капитану. Дѣйствуя локтями, ногами и главное—глоткой, провелъ. Дорогой получилъ нѣсколько затрепанныхъ и тумачковъ, но все-таки заработалъ свой франкъ.

Капитанъ согласился насъ взять, но безъ ѣды.

— „Ѣшьте свое, что угодно“...

— „А какъ мы выйдемъ изъ Генуи?“

— „Изъ Генуи выѣхать сейчасъ нельзя!“

Пришлось возвращаться съ парохода искать другой путь. Встрѣтили русскихъ, которые сидятъ тутъ уже двѣнадцатый день. Оказывается, что послѣ завтра идетъ случайный маленький

Афины. Театръ Діониса (Вакха), древнѣйшій театръ міра (см. текстъ).

греческій пароходъ прямо въ Пирей. Греки рѣшили дѣлать деньги, хотя бы и съ рискомъ. Это выгодноѣ губокъ.

Покупаемъ билеты у какихъ-то „морскихъ маклеровъ“. Цѣна совершенно невѣроятная—450 франковъ съ человѣка, тогда какъ нормально это стоитъ франковъ 70.

Жизнь Марселя нормальнѣе, чѣмъ Парижа. Его еще не захватилъ ужасъ войны.

Въ порту сотни судовъ—и парусныхъ, и пароходовъ. Видъ необычайный. Всѣ чего-то ждуть, большинство реквизировано французскимъ правительствомъ для военныхъ надобностей, все точно вымерло.

Въ большомъ кафе, около биржи пьемъ, среди военныхъ мундировъ, удивительно вкусный горячій кофе съ ледяной содовой водой. Это прогоняетъ усталость.

Парижане говорятъ полупрезрительно о марсельцахъ. Вспоминаютъ „Тартарена изъ Тараскона“, лукъ, чеснокъ, марсельское

произношеніе и даже марсельскій буйаббесъ. Все это напрасно. Марсельцы очень симпатичны, гораздо проще и душевнѣе парижанъ, а ихъ буйаббесъ превосходенъ. Они подають его непремѣнно въ двухъ мискахъ: въ одной рыба и лагусты съ шафраномъ, въ другой—большіе куски булки съ шафраномъ.

По широкому тѣнистому Прадо—путь къ пляжу Марсея. Марсельцы купаются всѣ вмѣстѣ, съ трогательной простотой, большей даже, чѣмъ въ Остенде или Трувилѣ. Иные въ костюмахъ, другіе только въ намекахъ на костюмъ.

Молодежь устраиваетъ тутъ же свиданія—въ купальномъ костюмѣ, въ водѣ или сидя или на обгрызкѣ скалы, торчащей изъ моря саженяхъ въ пяти... Весело, просто, непринужденно, откровенно...

XVI.

НА ГРЕЧЕСКОМЪ ПАРОХОДѢ.

„...Греческіе пароходы можно рекомендовать меньше всѣхъ другихъ, даже итальянскихъ. Они грязны, очень плохая кухня, очень шумны“...

Это сказано во всѣхъ путеводителяхъ. Но то, что мы видѣли сами на этомъ греческомъ пароходикѣ, нуждается въ выраженіяхъ, гораздо болѣе рѣзкихъ, вѣрнѣе, это были бы не выраженія, а сплошной вздохъ безсильнаго озлобленія. Только удивляешься,—какъ люди могутъ создать такую грязь, такую мерзость. Нѣчто неопишное!

Все дѣлаютъ въ одной посудѣ—и моютъ, и варятъ, и жарятъ, сюда же сливають помои, та же посуда служитъ и на случай качки. Для умыванія есть только морская вода.

Остатки бывшихъ обѣдовъ покрываютъ полъ, бѣлье грязное прислуга грязная—однимъ словомъ все грязное...

Но довольно мрачныхъ чертъ.

Клоповъ ловили ради спорта: одна барышня, изъ Петербурга, держала со мной пари, что поймаетъ за ночь въ своемъ матрацѣ 10 штукъ. Она выиграла пари.

Пароходикъ малюсенькій, тоннъ 500. Пассажировъ 180 человекъ.

Кто-то изъ насъ, войдя на пароходъ и увидѣвши мерзость окружающаго, заявилъ:

„Всю дорогу буду пить виски-сода, чтобы все время быть въ обалдѣннѣ“.

Мечта не сбылась: виски не оказалось, содовой воды тоже.

Вообще никакой воды, кромѣ греческой „саризы“.

Всю дорогу пили эту безвкусную „саризу“, ею же нѣкоторые и умывались.

— „Ну, и „Актиномикозъ“, — тосковалъ нашъ докторъ. Онъ называлъ пароходъ „Актиномикозомъ“ вмѣсто „Атритоса“ и увѣрялъ, что это больше подходитъ.

Другой нашъ докторъ, тоже петербуржецъ, возобновлялъ свои греческія познанія, но ни его никто не понималъ, ни онъ никого.

Профессоръ афинскаго университета за нашимъ столомъ увѣрялъ, что всѣ преподаватели греческаго языка въ Россіи не-

правильно произносятъ древне-греческія слова, только поэтому имъ кажется, что ново-греческій языкъ такъ отличенъ отъ древне-греческаго.

Все преврали будто бы нѣмцы!..

По ночамъ, около каютъ, на носу парохода, выла собака. Она же днемъ всюду напускала блохъ.

Я спросилъ профессора афинскаго университета—какъ будетъ по-гречески:

„Повѣсьте, пожалуйста, вашу собаку“.

Тотъ очень удивился, зачѣмъ такая фраза. А собаку такъ и не повѣсили.

Море, къ счастью, было милостиво, не бурно, хотя нашъ несчастный „Актиномикозъ“ все-таки качало, какъ лодченку.

Афины. Акрополь.

XVII.

ЖЮЛЬ-ВЕРНЪ НА ЯВУ.

Вышли изъ Марсея. Вечеромъ Тулонъ поймалъ насъ своими прожекторами и, кажется, собирался разстрѣлять.

Утромъ мы обогнули на сѣверѣ родину великаго Наполеона—Корсику, совсѣмъ пустынную тутъ. Затѣмъ прошли мимо Эльбы, трагическаго заката его величайшей славы, потомъ былъ виденъ островокъ Пяноза, потомъ сильно качало въ Тиренскомъ морѣ.

Мнѣ говорилъ кто-то въ Парижѣ по поводу извѣстій съ войны.

„Эта газета всегда печатаетъ исключительно ложныя извѣстія, но въ данномъ случаѣ даже она оговаривается, что „это сомнительно“.

Также были сомнительны тѣ слухи, которые, невѣсть какимъ путемъ, все-таки попадались къ намъ на пароходъ, хотя у насъ не было беспроволочнаго телеграфа.

Впрочемъ, надо оговориться. Серьезныя французскія газеты печатаютъ исключительно проверенныя сообщенія, цензурованыя, а цензура крайне строга. Всѣмъ памятно 1870—71 гг., когда въ главномъ французскомъ штабѣ былъ чуть не „клубъ иностранцевъ“, въ родѣ нынѣшняго монакскаго.

Когда мы подходили къ Сициліи, кто-то сообщалъ, что Италия уже объявила войну Австріи и впереди все минировано. Хотя никто не могъ объяснить, какъ попало это извѣстіе на пароходъ, но все-таки всѣ перепугались.

Появился направо вулканъ Стромболи. Онъ дымитъ изъ своего бокового кратера, иногда слышенъ подземный гулъ. А сбоку пріютился прелестный издали городокъ, съ церковью на уступѣ лавы, съ небольшой бухточкой, со странной сказочной скалой въ морѣ, кажущейся окаменѣвшимъ древнимъ замкомъ. Это лава, обмытая моремъ и вывѣтренная вѣтромъ.

Афины. Храмъ Тезея.

Афины. Общій видъ города.

— „Живетъ какъ на вулканѣ“—здѣсь надо понимать буквально.
— „Да!.. ко всему можетъ привыкнуть человекъ“,—сказалъ нашъ генералъ изъ Петербурга и покомился на свою грозную супругу.

Черезъ два съ половиной часа ходу Мессинскій проливъ, древняя Сицила и Харибда.

Солнце садится оранжевымъ шаромъ въ море. Вспоминаемъ Жюля Верна и караулимъ зеленый лучъ, послѣдній лучъ, посылаемый солнцемъ.

— „Никакихъ зеленыхъ лучей не бываетъ—это вымыселъ Жюля Верна“.

— „У Жюля Верна нѣтъ вымысловъ, текущая дѣйствительность далеко оставила позади всѣ его вымыслы“— спорить кто-то.

Входимъ въ Мессинскій проливъ. Уже темно. Налѣво, въ Калабрии городъ Реджіо, и на правомъ сицилійскомъ берегу—Мессина. Ряды огоньковъ, точно бисерный узоръ, разсыпаны по горамъ. Внизу у набережной прямая линія болѣе яркихъ огней. Море чуть-чуть плещется около нашего суденышка, полная тишина и пустота. Все движеніе по морю замерло, даже и здѣсь, гдѣ всегда такъ оживленно.

Красивѣйшая картина эти два города—одинъ противъ другого черезъ проливъ, на разстояніи семи-восьми верстъ. Жизнь одного совсѣмъ чужая другому, хотя и видна все время. Ночью въ этой тишинѣ совсѣмъ сказка—и эти города, и мы сами, ѣдущіе изъ Парижа въ Петербургъ на греческомъ пароходѣ, черезъ Сицилу и Харибду, и мысли о дѣйствительности...

VIII.

АФИНЫ.

Прошли самое опасное мѣсто—Адриатическое море. Видимо, австрийскій флотъ запертъ, насъ никто не останавливалъ.

Ночью вдали слышна была канонада. Капитанъ свернулъ къ югу...

Къ вечеру уже берега Греціи.

Вдали показалась Итака—родина Улліса. Какіе они мрачные берега Греціи, точно Бразилія. Совсѣмъ это не такъ себѣ представляешь на основаніи греческихъ классиковъ. Голыя скалы, рѣдко, рѣдко гдѣ зеленъ и вѣетъ холодомъ отъ этихъ скалъ, невеселымъ...

Ночью проходимъ Коринфскій каналъ и въ полдень въ Пирей. Пароходъ сразу окружила цѣлая сотня лодокъ и какіе-то пираты съ гамомъ, визгомъ, отталкиваніемъ другъ друга—ринулись на нашъ несчастный „Атромитосъ“. Пираты не были такъ грязны, какъ эта толпа орда. Я видѣлъ, какъ на пришедшій пароходъ дико кидаются толпы негровъ, гдѣ-нибудь на африканскихъ островахъ или въ портахъ Южной Америки: тамъ вдесятеро больше порядка и меньше шума!

Пришлось буквально кулаками защищать собственный багажъ, такъ какъ его сразу тянули десять пиратовъ въ разныя стороны и потомъ не нашель бы ничего. Это греки...

Сѣжаемъ въ лодкахъ на берегъ. Пыльно, жарко. Я понимаю теперь—какъ древніе греки ходили въ тогахъ, и какъ Фриа разгуливала по улицамъ Афинъ совсѣмъ безъ костюма...

Два грека на пароходѣ увѣрили, что въ Афинахъ мы найдемъ совсѣмъ европейскіе отели, превосходные рестораны, какъ въ Парижѣ. Но уже въѣздъ въ Афины не предвѣщалъ ничего хорошаго и въ дальнѣйшемъ. Верстъ десять по пыльной дорогѣ отъ Пирея до Афинъ, и вотъ самыя Афины... Вымощены только главныя улицы, на окраинахъ цыль и природная мостовая. Лавченки, торгующія всякой дрянью, все привозное, по возможности скверное. Губокъ не видно...

Беремъ греческія газеты, пробуемъ понимать—что въ нихъ написано, но это довольно трудно. Сами греки понимаютъ тоже немного, такъ какъ все построено на сенсаціи, хотя бы она была самая невѣроятная. Покупаемъ бухарестскую газету, она доходитъ сюда черезъ недѣлю, но и то хорошо, что доходитъ—значить предстоящій намъ путь еще не отрѣзанъ.

Греческія газеты сегодня потопили 16 англійскихъ броненосцевъ и крейсеровъ и 28 нѣмецкихъ! Я смотрѣлъ на эти греческія газеты, какъ корова на колбасу и первый разъ въ жизни пожалѣлъ, что я не классикъ. Впрочемъ, бывшій съ нами докторъ съ классическимъ образованіемъ тоже наговорилъ извозчику столь страшныхъ, видимо, словъ, что тотъ началъ усиленно хлестать лошадей, хотя рѣчь шла о томъ—сколько въ Афинахъ автомобилей? Ихъ, кстати сказать, около ста на всю Грецію.

На каждомъ шагѣ „Аверовъ“. Крейсеръ „Аверовъ“, зданіе праздности „Аверовъ“, статуя тому же „Аверову“ и ресторанъ тоже „Аверовъ“, ресторанъ скверный и почти такой же грязный, какъ грязно и все греческое. Бобы на деревянномъ маслѣ, всюду маслины, горькое греческое вино, такъ называемое *vin resiné*, которое не перевариваетъ ни одинъ европейскій желудокъ кромѣ греческаго.

Вылейте въ холодные зеленые бобы лампадку, посолите, перемѣшайте, подогрѣйте—вотъ будетъ любимое греческое блюдо.

* * *

Хотя очень устали, но ѣдемъ въ Акрополь. Красно-желтый закатъ, удивительно прозрачный воздухъ, и сколько образовъ встаетъ въ памяти. Не вѣршишь, глядя на эту грязную галдящую толпу, весьма плохо пахнущихъ людей, что въ древности тутъ была такая высокая культура. Въ тѣ древнія времена вѣдь не было и мыла: неужели древніе греки были еще грязнѣе?..

Но вотъ, когда взглянешь мелькомъ на Акрополь, на храмъ Тезея, на трибуну, откуда говорилъ афинянамъ Демосфенъ, когда увидишь всю эту удивительную скульптуру, еще не попавшую въ британскій музей, а оставшуюся здѣсь, не сомнѣваешься больше, что такая красота могла быть создана только высокой культурой. Кажется важнымъ не то даже, что греки были такіе удивительные строители, ваятели, художники, а то въ особенности, что народу хотѣлось строить такіа, не имѣющія практическаго значенія, зданія, что являлась самая мысль о необходимости этихъ зданій. Нужна высокая культурность для того, чтобы захотѣть это.

... Вечерѣтъ быстро, какъ всегда въ этой широтѣ, спускается тихая жаркая ночь. Стрекоцуть цикады. По пыльной дорогѣ подѣжаемъ въ просторномъ экипажѣ, съ лѣнливыми отъ жары лошадамы, къ пыльной желѣзной рѣшеткѣ. Проводникъ соскакиваетъ съ козелъ и хлопаетъ въ ладоши. Гдѣ-то наверху, гдѣ-то мелькаетъ, и оттуда по полуразрушеннымъ ступенькамъ спускается человекъ. Это грязный современный грекъ, сторожъ древняго „театра Діониса“, древняго Вакха, бога вина и веселья. Это древнѣйшій театръ міра. Гораздо раньше IV вѣка до Р. Х. здѣсь давались театральныя представленія; въ IV вѣкѣ театръ уже былъ перестроенъ.

Древнѣйшій культъ Діониса въ Беотіи, празднества и священнодѣйствія, сопровождавшіяся мимическими представленіями, дали начало этому театру. Произведенія Эсхила, Софокла, Аристофана и Эврипида ставились здѣсь впервые, и вообще міръ впервые присутствовалъ здѣсь при вновь создаваемомъ театральномъ искусствѣ.

Каждому актеру надо пріѣзжать бы сюда на поклоненіе, какъ правовѣрный магометанинъ ѣдетъ въ Мекку цѣловать камень Каабы, или индусъ купаться въ священномъ Гангѣ.

У барьера, отдѣляющаго сцену отъ мѣста, гдѣ былъ хоръ, сидятъ высѣченныя изъ камня Діонисъ и Силенъ. Они сохранились еще, особенно Силенъ, Силенъ сынъ Пана и нимфы, старшій изъ сатировъ, воспитатель и спутникъ Діониса... Ихъ улыбки такъ странны теперь среди окружающаго разрушенія и въ особенности рядомъ съ часовенькой въ скалѣ, гдѣ постоянно горитъ лампадка.

Этотъ театръ вмѣщалъ болѣе 17.000 человекъ. Еще сохранилось большинство мѣстъ, а первый рядъ кресель, на которыхъ сидѣли жрецы, время совсѣмъ не тронуло. Они высѣчены изъ мрамора, жестки, но удобны. Главное кресло, по срединѣ, для жреца храма Діониса. Жрецы принимали участіе въ представленіи, подпѣвая хоръ. Представленіе было богослуженіемъ.

* * *

Въ V вѣкѣ Парфенонъ обратили въ христіанскую церковь. Вездѣ церкви, рядомъ съ древне-греческими языческими статуями, какая-то путаница понятій и культовъ: трудно разобрать—что тутъ языческое, а что христіанское...

... Дивная афинская ночь. Тихая, теплая, почти жаркая, съ какимъ-то особеннымъ свѣтомъ. Тогда во время афинскихъ оргій не было еще электричества, не было газа, все происходило въ полутьмѣ. Не было тогда и шампанскаго, а пили тяжелое кипрское вино, отъ котораго тяжелѣтъ и болитъ голова, но дивная афинская ночь давала, видимо, ту поэзію, которая теперь недоступима.

Среди этой тишины, подъ стрекотанье цикады, вспоминаешь имена Демосфена, Сократа, Перикла, Аспазіи...

А теперь?... Теперь рахатъ-лукумъ, губки, коринка, халва и грязь, грязь, грязь.

Въ храмѣ Тезея бѣгаютъ грязныя ребятишки, отбивая себѣ для игры кусочки древнихъ ваяній. Рядомъ торгуютъ поджареными подсолнухами и бараниной, которую жарятъ тутъ же на угольяхъ.

Нѣмецкій ученый Фальмерсейеръ доказываетъ, что современные греки ничего общаго не имѣютъ съ древней Греціей, что въ жилахъ современныхъ не течетъ ни капли древняго греческаго міра. Греки предали за это анафемѣ нѣмецкаго профессора. Другіе ученые съ этимъ не совсѣмъ согласны, но хочется вѣрить, что правъ нѣмецкій профессоръ.

Ночью нельзя спать съ закрытыми окнами, слишкомъ жарко, а въ открытыя налетаютъ москиты, которые не дадутъ ужъ покоя до утра. Вдобавокъ, къ намъ въ комнату забралась цикада и начала усиленно стрекотать свои любовныя пѣсни. Съ трудомъ удалось ее загнать въ сосѣдній номеръ, и тамъ потомъ долго въ нее швыряли туфлями и башмаками...

* * *

Французскія бумажки мѣняють со скидкой 70% на драхмы Нѣмецкихъ денегъ совсѣмъ не берутъ, къ русскимъ тоже относятся съ недоверіемъ. Приходится расплачиваться золотомъ.

Превосходное зданіе русскаго посольства. Лакей-англичанинъ и закуска сносима. Съ русскими разговариваетъ снисходя, съ вершинъ олимпійскаго величія.

Отсюда надо ѣхать на Салонки и тамъ пробираться по желѣзной дорогѣ въ Румынію. Со дня на день ждутъ закрытія Дарданеллъ и не совѣтуютъ ѣхать въ Константинополь.

Беремъ билеты опять на греческій пароходъ, идущій въ Салонки.

Вл. Крымовъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Перепечатка воспрещается.
Законъ 20 марта 1911 года.

Ихъ Императорскія Высочества
Великія Княжны Ольга Николаевна
и Татіана Николаевна принимаютъ
пожертванія въ Зимнемъ Дворцѣ.
Стоитъ графиня Нат. Феод. Карлова.

Соб. фот. „Ст. и Ус.“.

Перепечатка воспрещается.
Законъ 20 марта 1911 года.

Ихъ Императорскія Высочества
Великія Княжны Ольга Николаевна
и Татіана Николаевна принимаютъ
пожертванія въ Зимнемъ Дворцѣ.
Сидитъ у стола графиня Нат. Феод.
Карлова; стоитъ слѣва Мих. Ив. Гор-
мыкинъ.

Собств. фотогр. „Ст. и Ус.“.

Лазаретъ имени Ея Величества Королевы Эллиновъ Ольги Константиновны, содержимый на средства Нефте-промышленнаго и Торговаго О-ва „Мазуть“, въ г. Павловскѣ.

Среди присутствующихъ на освященіи лазарета: Ея Величество Королева Эллиновъ Ольга Константиновна, Ихъ Императорскія Высочества Вел. Кн. Константинъ Константиновичъ и Вел. Кн. Елизавета Маврикіевна, княжна Елена Петровна, завѣдующая лазаретомъ сестра милосердія графиня С. И. Граббе, баронесса С. Н. Корфъ, ген.-маіоръ П. П. Рыковский, Э. К. Груббе, С. Г. Полякъ, А. К. Джіоргули, А. И. Сабуровъ, М. А. Герингъ и др.

ПЕТРОГРАДЪ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Группа дамъ, работающихъ на раненыхъ воиновъ въ квартирѣ статсъ-секретаря министра по дѣламъ Финляндіи В. А. Маркова.

Среди присутствующихъ: жена министра В. В. Маркова, Ю. М. Бутлерова, А. С. Шильбахъ, жена товарища министра по дѣламъ Финляндіи О. И. Иванова, Л. И. Судейкина.

Вѣра Серг. Нарышкина, рожд. Витте.

ПЕТРОГРАДЪ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Большинство дамъ нашего общества занято сейчасъ работою въ „Красномъ Крестѣ“, въ разныхъ общинахъ и лазаретахъ, шитьемъ на раненыхъ дома; рядъ барскихъ квартиръ отведенъ подъ лазареты, многіе берутъ раненыхъ на домъ.

Мы будемъ печатъ серію портретовъ и группъ работающихъ, помѣщать снимки этихъ барскихъ особняковъ и т. д.

Княгиня О. К. Орлова съ портрета раб. В. А. Сѣрова.

Въ № 21 въ подписи подь портретомъ Ал. Ал. Чаплиной вкралась досадная ошибка.

Напечатано: „жена бывш. товарища Министра Юстиціи, нынѣ сенатора“. На самомъ дѣлѣ, мужъ Ал. Ал. Чаплиной состоитъ управляющимъ межевой частью, на правахъ товарища Министра Юстиціи, и сенаторомъ.

Графиня Лид. Павл. Ностицъ.

Ирина Петр. Родзянко, рожд. Лазарева.

Петроградское отделение французского Красного Креста (Union des Femmes de France) за работой для раненых в квартирах маркизы де-Лагиш, супруги военного агента при французском посольстве.

Среди присутствующих: маркиза де-Лагиш, m-elle де-Лагиш, графиня де-Герль, виконтесса де-Лесперанж, баронесса де-Фоколомб, г-жа Верлен и др.

Э. Л. Казнакова (рожд. Билинская), жена нач. первой гвард. кавал. див.

Л. П. Базилевская.

ВСЪ РАБОТАЮТЬ ВЪ ОРГАНИЗАЦІЯХЪ КРАСНАГО КРЕСТА.

Флиг.-адъют. Ник. Алдр. Петровскій съ женой Алдр. Павл., рожд. Шиповой.

Мар. Влад. Остелецкая, рожд. Амеляновичъ-Павленко.

Лазаретъ Каменноостровскаго Дворца.

Среди присутствующих: принцесса Евгения Георгиевна Саксен-Альтенбургская, гл. врачъ А. А. Демьяновъ, хирургъ К. К. Генрихсонъ, старшая сестра Л. П. Базилевская; сестры милосердія: М. В. Игнаціусъ, В. М. Вукха, А. Г. Черпичукъ, М. А. Сабурова, бар. Н. В. Остенъ-Дризенъ, граф. О. В. Тотлебенъ, бар. М. Р. Остенъ-Сакенъ, О. Н. Демьянова, В. А. Филиппова, М. В. Юдичева, Б. М. Зенковичъ, Е. А. Чебыкина.

Лазаретъ Швейцарской колоніи въ Петроградѣ.

Среди присутствующих: Е. Одье, швейцарскій посланникъ, С. Ф. Мюзеръ, К. А. и О. В. Винтергальтеръ, Ш. де-Риць-а-Порта, И. Витто, И. Кестлинъ-Бурьямъ, М. Арндтъ, докт. Э. К. Мазингъ, сестра милосердія Э. Мазингъ, пасторъ И. Витто, Г. Раммъ, Ш. Ларде, Б. Циллеръ, Е. А. Дидерихсъ и др.

ИЗЪ ЭКЗОТИЧЕСКИХЪ РАЗГОВОРОВЪ.

...Какое сейчасъ веселье?!.. Сейчасъ не время для веселости: это профанация происходящаго—
брюзжалъ одинъ изъ говорившихъ.

— „Почему сейчасъ? Весело вообще мало всегда, не только теперь. Печальнаго въ мірѣ вообще гораздо больше, нежели весело... Но сейчасъ также много красоты кругомъ, много причинъ радоваться... подъѣмъ замѣняетъ веселье! Одна изъ немногихъ радостей доступныхъ людямъ—это именно подъѣмъ, радостное чувство подъѣма; его ни съ чѣмъ не сравнишь, развѣ только съ пылкой влюбленностью молодости“—

спорилъ другой, тоже пожилой человѣкъ.

— „Да, да!“—

почти перебилъ говорившаго третій собесѣдникъ помоложе—

— „я хочу сказать парадоксъ“

горячо заговорилъ онъ—

„страшно весело среди этой громадной печали... весело жить!..

Передъ нашими глазами происходятъ грандіознѣйшія событія міровой исторіи, точно катаклизмы вновь разжижѣвшаго земного шара... Минѣ кажется моментами, что я смотрю на бѣгущую мимо

колоссальную ленту кинематографа—такъ все быстро перемѣшалось, смѣнилось, все переоцѣнилось... что было раньше большимъ, стало вдругъ совсѣмъ маленькимъ, крохотнымъ. Какая то страшная грандіозная пьеса и мы сами актеры... Величайшее зрѣлище! А помните, какъ римляне просили „хлѣба и зрѣлищъ“?! У насъ есть хлѣбъ и есть чудовищное зрѣлище: весело жить, не жалко будетъ умирать, хотя бы даже скоро...“

— „Это вы уже слишкомъ, молодой человѣкъ, слишкомъ неумѣстно...“

остановилъ его пожилой господинъ, брюзжавшій съ самаго начала разговора.

* * *

Говорили въ смокингъ-румѣ большого парохода.

...„Я докторъ и ѣзжу всю жизнь. Я долго плавалъ въ Южную Африку, потомъ служилъ на трансатлантикѣ компаніи Red Star, сто разъ сходилъ въ Нью-Йоркъ... Надоѣло въ сѣверныхъ широтахъ. Теперь ѣду служить на японскій пароходъ совершающій рейсы между Явой и Японіей“...

— „Надолго ѣдетъ?“

— „По контракту на два года“.

Гостиная и читальня (въ I этажѣ).

ГОСТИНИЦА „АСТОРІЯ“ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

Умѣнье строить и содержать гостиницы превратилось въ своего рода науку сравнительно недавно. Еще не за горами то время, когда не только у насъ на Руси, но и въ Западной Европѣ содержатели гостиницъ набирались „съ бору да съ сосенки“ и отличались, главнымъ образомъ, своими невѣжествомъ и косностью.

То была эпоха процвѣтанія разныхъ „Бѣлыхъ лошадей“, „Золотыхъ львовъ“, „Черныхъ лебедей“ и прочихъ пернатыхъ и четвероногихъ. Иногда въ этихъ гостиницахъ не-

дурно кормили, но было трудно найти тамъ ванну, сносную постель и хорошую прислугу. Исключеніями являлись лишь нѣкоторыя гостиницы въ большихъ европейскихъ центрахъ.

Первыми, кто поднялъ отельерскую промышленность, были швейцарцы. Они построили для гостиницъ новые дома и стали соображаться со вкусами и требованіями своей интернаціональной кліентуры. То было время, когда пошли въ моду города и столицы: „Парижъ“, „Берлинъ“, „Нью-Йоркъ“, „С.-Петербургъ“, „Москва“ и т. д.

Пришли года американскаго вторженія въ Европу, и содержателямъ гостиницъ пришлось подтянуться. Богатые, и даже вообще американцы стали требовать отъ европейскихъ отелей того же самаго комфорта, какой они имѣли у себя дома. Они указывали, что у нихъ на родинѣ существуютъ гостиницы вродѣ знаменитой въ тѣ годы „Вальдорфъ-Асторія“, гдѣ люди чувствовали себя *какъ дома*.

Когда европейскимъ гостино-содержателямъ стало трудно, на помощь имъ пришли капиталисты. Они образовывали крупныя компаніи для эксплуатаціи совершенно новаго типа гостиницъ и основывали спеціальныя школы, откуда стали выходить директора и управляющіе гости-

Ресторанъ въ зимнемъ саду.

Кабинеты и салоны
въ „Асторіи“.

ницъ; все люди говорящіе на пяти шести языкахъ и знающіе тонкости отелерской науки.

Города и столицы были забыты. Ихъ мѣста заняли цѣлые континенты-паласы, разные „Мажестики“, „Атлантики“, „Паласы“, „Океаники“ и т. п. Во всѣхъ этихъ новыхъ роскошныхъ дворцахъ были приложены на дѣлѣ всѣ новѣйшія выдумки и изобрѣтенія въ различныхъ отрасляхъ искусства, техники и гигиены.

Гостиницы перестали быть только болѣе или менѣе удобными караванъ-сараями для проѣзжающихъ. Онѣ превратились въ громадные, но уютные и удобные homes.

У насъ въ Россіи, и въ частности въ Петроградѣ, долгое время не доставало такого новаго типа отеля-гиганта, пока не была построена „Асторія“, являющаяся нынѣ однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ и культурныхъ уголковъ столицы, гдѣ пріятно жить, пообѣдать и даже просто посидѣть...

Въ первомъ этажѣ находятся два ресторана: одинъ въ

Французскій
ресторанъ.

зимнемъ саду, другой — въ большой красивой залѣ, въ стилѣ Empire. Въ томъ же этажѣ, направо отъ вестибюля, расположена мраморная галерея. Большая парадная зала съ отдѣльнымъ подъездомъ съ Морской, рассчитана на 250 человекъ, а вмѣстѣ съ зимнимъ садомъ и французскимъ рестораномъ можетъ вмѣстить свыше 1.000 человекъ. Кромѣ того имѣются особые элегантно обставленные салоны для обѣдовъ, собраний и т. п.

Десять лифтовъ служатъ для сообщенія между 8-ю этажами гостиницы, въ которой болѣе 350 номеровъ съ различной обстановкой, начиная съ простой спальни до самаго роскошнаго помѣщенія, состоящаго изъ нѣсколькихъ комнатъ съ отдѣльной уборной и ванной.

Благодаря *свѣтовой электрической сигнализаци* пріѣзжіе могутъ безъ затрудненія вызывать прислугу отеля. Въ гостиницѣ имѣется бюро переводовъ и переписки на всѣхъ языкахъ, дамская и мужская парикмахерская и портной.

Всѣ комнаты снабжены *центральной паровымъ отопленіемъ, кранами съ холодной и горячей водой, специальной вентиляціей и городскимъ телефономъ.*

Недавно „Асторія“ перешла во французскія руки, что сейчасъ же выгодно отозвалось, какъ на общемъ ея тонѣ, такъ и на качествахъ ея посѣтителей. Нынѣ благодаря умѣнью и любезности новаго директора „Асторіи“, Л. Л. Терье, основанные по его инициативѣ асторійскіе „предъобѣденные чаи“, равно какъ и элегантные обѣды, во время которыхъ играетъ извѣстный румынскій оркестръ Гулеско, представляютъ собой одну изъ достопримѣчательностей, great attraction, столицы. Эти обѣды и five o'clock посѣщаются членами дипломатическаго корпуса, представителями аристократическаго общества и элегантными женщинами Петрограда.

Carlton.

— „Не боитесь тропиков“?..
 — „Нѣтъ, жару я люблю. Вотъ сейчасъ въ июль въ Красномъ морѣ будетъ жарковато—35° въ тѣни, и при этомъ жгучій вѣтеръ. Но ничего! Я въ такую жару ничего не ѣмъ, сижу не двигаясь въ креслѣ, тутъ же и сплю, какъ всѣ... Только пью виски-сода: это даетъ испарину, а тогда легче“.
 — „Скучно вамъ будетъ эти два года“...
 — „Что дѣлать!?... Надо работать. Я хочу попутно изучить вліяніе на организмъ питанія человѣческимъ мясомъ. Поживу на островахъ Бисмарка у канибаловъ“...
 — „И васъ съѣдятъ“!..
 — „Можетъ быть... чѣмъ эта смерть хуже другихъ? Масса впечатлѣній. Моего дядю съѣлъ крокодилъ на Нилѣ: почему бы мнѣ не быть съѣденнымъ людьми. Это не страшно... Я боюсь только блохъ—они вселяютъ мнѣ паническій ужасъ. Мнѣ все кажется, что они заразятъ меня чумой или тифомъ“..

Этотъ странный разговоръ продолжался, но дальше я его не слышалъ.

* * *

— „Вы думаете, что природа заинтересована въ войнѣ?“
 — „Почемъ знать! Я не рѣшусь сказать нѣтъ... Когда я прочелъ недавно, что гдѣ-то найденъ новый видъ орхидей, которыя распускаютъ свой цвѣтокъ съ выстрѣломъ, я подумалъ: вотъ глупая природа тоже заразилась воинственностью“.
 — „Это пустяки! Вы занимаетесь чтеніемъ объ орхидеяхъ, когда кругомъ міровая война“.
 — „Барабанщикъ только барабанитъ и на войнѣ. Помните, когда погибалъ какой-то пароходъ года два тому назадъ, музыканты спокойно играли маршъ... Вода поднималась, пароходъ погружался, вода была имъ уже по поясъ, а они все играли веселый маршъ... Вѣдь вы ихъ тоже считаете героями—неправда ли“?..

Л. Б. Яворская (княгиня Барятинская) на своихъ спектакляхъ въ Лондонѣ, Глазго, Эдинбургѣ и другихъ большихъ городахъ Англіи и Ирландіи устраиваетъ теперь митинги, говоритъ патріотическія рѣчи и такъ воодушевляетъ слушателей національнымъ чувствомъ, что тутъ же записываются сотни желающихъ вступить въ ряды англійской арміи и идти на войну.

Одновременно дѣлаются значительные сборы для оказанія помощи русскимъ, застрявшимъ въ Англіи.

Л. Б. Яворская въ пьесѣ „За королеву“.

Княгиня Л. Б. Барятинская (Яворская).

Ложа княгини Тверской на скачкахъ. („Анна Каренина“). „Анна Каренина“ исполнена Л. Б. Яворской въ Англіи болѣе 200 разъ.

УСАДЬБА „ПАВЛУШИНО“.

П. П. Бекель.

Озеро Моло-Ярви находится между Финляндской жел. дор. и старым Выборгским трактомъ противъ станціи „Годицно“. Оно въ длину около 20 верстъ, а наибольшая ширина 7 верстъ. На сѣверномъ берегу озера много усадебъ, между ними имѣніе Алафузовыхъ, Таратиныхъ, М. А. Суворина, Сяссарева, Г. И. Турнера и друг.

Озеро окружено сосновымъ лѣсомъ, съ живописными высокими берегами. Высота озера надъ уровнемъ моря около 50 сажень. Усадьба Бекель, около 12 десятинъ, приобрѣтена въ 1905 г. и съ

Сосновая аллея въ Павлушинѣ.

Флигель въ Павлушинѣ.

Барскій домъ въ Павлушинѣ.

Дорожка къ озеру Моло-Ярви.

тѣхъ поръ здѣсь непрерывно производились постройки, устройство парка, луговъ, поля, огорода, посадка фруктовыхъ деревьевъ, кустарника, дренажъ и т. д.

Мѣстность по своему характеру какъ нельзя лучше подходитъ подъ санаторію, гдѣ можно пользоваться чистымъ воздухомъ, испареніями сосноваго лѣса, въ абсолютной тишинѣ и при отсутствіи даже намека на сырость. Лѣтомъ на озерѣ прекрасная рыбная ловля и купанье. Съ сѣвера усадьба защищена отъ вѣтровъ высокимъ лѣсомъ.

Въ усадьбѣ два жилыхъ дома, много службъ и хозяйственныхъ построекъ.

Сейчасъ въ усадьбѣ „Павлушино“ на средства Бекель устроены лазаретъ-санаторія на 10 офицеровъ и 20 солдатъ.

Крѣпость Олсанборгъ, достопримѣчательность городка Нейшлота. Основана въ 1475 г. шведск. рыцаремъ Эрикомъ Тоттъ. Крѣпость назначалась, главнымъ образомъ, для отраженія русскихъ и отошла къ Рос-

сій, по Ништадтскому миру, послѣ чего была превращена въ тюрьму.

Теперь представляетъ городскую собственность и реставрирована для оперныхъ представлений, гдѣ подвизается Айно Актэ.

Н. А. ПАНЧУЛИДЗЕВЪ.

Камергеръ д. с. с. Николай Алексѣевичъ Панчулидзева — одинъ изъ немногихъ старѣйшихъ любителей и знатоковъ рысистой лошади; имя его тѣсно связано съ жизнью нашихъ столичныхъ бѣговыхъ обществъ, особенно петроградскаго, гдѣ онъ состоитъ дѣйствительнымъ членомъ уже около 35 лѣтъ.

Въ 1881 году Н. А. вступилъ въ число дѣйствительныхъ членовъ общества. При его непосредственномъ участіи „С.-Петербургское общество охотниковъ рысистаго бѣга“ нѣсколько разъ видоизмѣняло свой уставъ и названіе самого общества сначала на „С.-Петербургское общество рысистаго бѣга“, потомъ на „Императорское С.-Петербургское общество рысистаго бѣга“, и теперь оно называется „Императорскимъ Петроградскимъ обществомъ поощренія рысистаго коннозаводства“.

Общество, цѣня заслуги Н. А. въ дѣлѣ рысистаго спорта, увѣковѣчило его имя учрежденіемъ открытаго приза его имени и съ 1899 года безсмѣнно избираетъ его въ старшіе члены общества.

Состоя членомъ совѣта главнаго управленія государственнаго коннозаводства и работая съ 1908 года въ комиссіи при главн.

Портретъ Н. А. Панчулидзева.
(Съ акварели П. М. Волкова).

управ. гос. кон. по изданію заводскихъ книгъ, Н. А. принимаетъ также участие и въ комиссіи по покункѣ производителей для бесплатной раздачі земствамъ и обществамъ.

При его живѣйшемъ участіи за три послѣднихъ года бѣговымъ обществомъ пожертвовано бесплатно земствамъ и обществамъ 143 производителя.

Занятый службой въ главномъ управленіи удѣловъ, Н. А. всегда находитъ достаточно времени для своего любимаго дѣла, горячо принимая все его горести и радости. Въ своемъ имѣніи въ с. Черновкѣ, Пензенской губ., живописно расположенномъ на берегу рѣки Суры, Н. А. владѣетъ небызвѣстнымъ въ спортивныхъ кругахъ конскимъ заводомъ, основаннымъ въ 1898 году. Среди производителей его завода значатся: „Гудъ-Гифтъ“, „Запретъ“, „Гвалтъ“, „Касьянычъ“, „Красивый“, „Кремень 2“, „Соболь“ и др. Среди матокъ: „Берегись“, „Битва“, „Волчиха“, „Весталка“, „Глыба“, „Грань“, „Подруга“, „Сахля“. Въ настоящее время

изъ нихъ прилода принимаютъ участіе въ ипподромныхъ состязаніяхъ: „Гондола“, „Каббала“, „Кубань“ и др. Про „Гондолу“ можно съ увѣренностью сказать, что это одна изъ лучшихъ кобылъ старшаго возраста, выигравшая въ 4 года 49.698 рублей.

Запруда въ имѣніи „Панчулидзева“.

Н. А. Панчулидзева выѣзжаетъ изъ усадьбы на „Запретѣ“, зав. К. А. Зотова (отъ Номинатора и Желанной).

Редакторъ-издатель Вл. Крымовъ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПЕТРОГРАДСКОЕ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНІЯ РЫСИСТАГО КОННОЗАВОДСТВА.

БУДУТЬ:

Б Ъ Г А.

ДЕКАБРЬ: 2 (доб.), **6** (пр. на с. 24.413 руб. въ т. ч. „въ пам. гр. А. Г. ОРЛОВА-ЧЕСМЕНСКАГО“ для жер. 1910 г.); **7** (пр. на с. 22.168 руб. въ т. ч. „въ честь гр. И. И. ВОРОНЦОВА-ДАШКОВА“ (3 гита); **9** (доб.), **11, 14** (пр. на с. 27.873 руб. въ т. ч. „ЕЯ ИМПЕР. ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ“ и „въ пам. А. А. СТАХОВИЧА“); **16** (доб.), **18, 21** (пр. на с. 24.212, рублей въ т. ч. „СЕМЕНОВСКІЙ“ для жер. 1910 г.); **23, 28** (пр. на с. 27.204 руб. въ т. ч. „ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ“); **30** (доб.).

НАЧАЛО БѢГОВЪ: въ праздничные дни въ 1 часъ, въ будніе дни въ 2 часа дня.